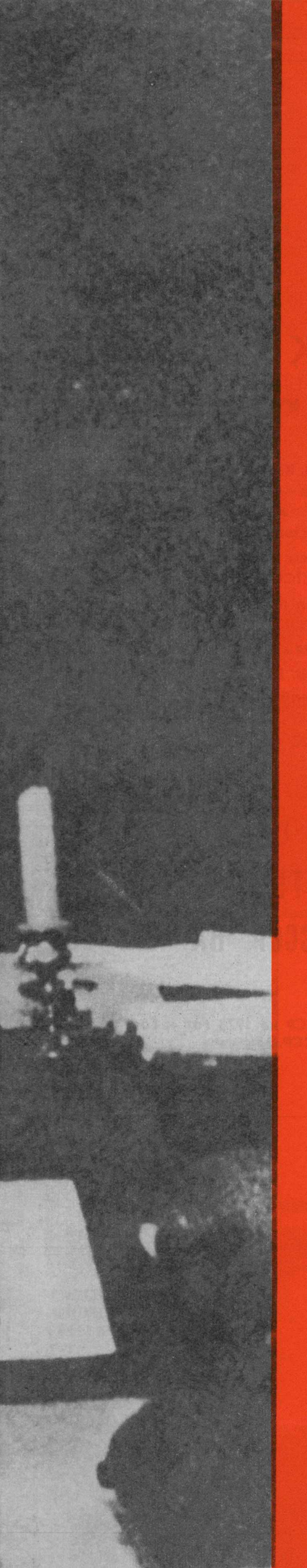

ОГОНЁК
№ 52 ДЕКАБРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

В. И. Ленин на заседании Совета Народных Комиссаров в Кремле. Москва, 3 октября 1922 года.
Фото П. Оцупа.

ОБРАЗОВАНИЕ СССР ПО СВОЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПОСЛЕДСТВИЯМ ЗАНИМАЕТ ВЫДАЮЩЕЕСЯ МЕСТО В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА. ЭТО ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ—УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПОБЕДА ИДЕЙ ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА, ПЛОДОТВОРНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Из Постановления ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик».

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

18 декабря 1972 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал и обсудил доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР тов. Н. К. Байбакова «О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1973 год» и министра финансов СССР тов. В. Ф. Гарбузова «О Государственном бюджете СССР на 1973 год».

В прениях по этим докладам выступили тт. Н. Д. Худайбердыев — Председатель Совета Министров Узбекской ССР, Б. Ашимов — Председатель Совета Министров Казахской ССР, Г. В. Романов — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС, Г. С. Золотухин — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, В. В. Щербицкий — первый секретарь ЦК Компартии Украины, И. П. Казанец — министр черной металлургии СССР, Д. Расулов — первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана, Е. Е. Алексеевский — министр мелиорации и водного хозяйства СССР.

В заключение на Пленуме с большой речью выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум ЦК КПСС принял по этим вопросам соответствующее постановление.

Пленум избрал секретарем ЦК КПСС тов. В. И. Долгих.

Пленум освободил тов. В. П. Мжаванадзе от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС в связи с уходом на пенсию.

На этом Пленум ЦК КПСС закончил свою работу.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ЦК КПСС

О ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР И ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА СССР НА 1973 ГОД

Одобрить в основном проекты Государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1973 год и Государственного бюджета СССР на 1973 год и внести их на рассмотрение сессии Верховного Совета СССР.

ДОЛГИХ Владимир Иванович

Секретарь ЦК КПСС

Родился в 1924 году, русский, член КПСС с 1942 года, образование высшее — окончил Иркутский горно-металлургический институт. Кандидат технических наук.

В 1941—1943 гг. служил в Советской Армии, участник Великой Отечественной войны. С 1949 года, после окончания института, работал начальником смены, цеха, главным инженером на заводах в г. Красноярске. С 1958 года — главный инженер и с 1962 года — директор Норильского горно-металлургического комбината им. А. П. Завенягина. В 1969 году был избран первым секретарем Красноярского крайкома КПСС.

Член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР седьмого и восьмого созывов.

Герой Социалистического Труда. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Отечественной войны 1-й степени и медалями.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 52 (2373)

23 ДЕКАБРЯ 1972

1922

X Всероссийский съезд Советов в здании Большого театра. Москва. 23 декабря 1922 года.

Одним из самых крупных завоеваний социализма является практическое осуществление партией ленинской национальной политики—политики равенства и дружбы народов.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС.

Делегаты I Всесоюзного съезда Советов.

Орден Дружбы народов

К НОВЫМ СВ

В преддверии всенародного праздника — 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик начала работу пятая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва. Депутаты собрались в столице нашей Родины, чтобы подвести итоги сделанного, наметить планы на предстоящий, третий год пятилетки. Работа сессии проходила в обстановке величайшего подъема, с которым весь наш народ встречает славную дату своей истории. Под руководством ленинской Коммунистической партии советский народ успешно претворяет в жизнь решения XXIV съезда КПСС, задания девятой пятилетки. На проходивших в эти дни в стране торжественных собраниях трудящихся на всех языках народов СССР звучали слова любви к родной партии, советские люди давали нерушимое слово отдать все силы и энергию великому делу строительства коммунизма.

18 декабря, 6 часов вечера, Большой Кремлевский дворец. Открывается совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Бурными, продолжительными аплодисментами, стоя, депутаты и гости встретили товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. А. Кунаева, К. Т. Мазурова, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, В. В. Щербицкого, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, П. М. Машерова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Д. Ф. Устинова, В. И. Долгих, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Совместное заседание обеих палат открыл Председатель Совета Союза депутат А. П. Шитиков.

Утверждается повестка дня:

1. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1973 год.
2. О Государственном бюджете СССР на 1973 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1971 год.

По первому пункту повестки дня с докладом выступил заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР депутат Н. К. Байбаков.

Доклад «О Государственном бюджете СССР на 1973 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1971 год» сделал министр финансов СССР депутат В. Ф. Гарбузов.

Депутаты в зале заседания.

1972

Москва, Кремль, 18 декабря 1972 года. Пятая сессия Верховного Совета СССР восьмого созыва. Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

ЕРШЕНИЯМ!

Дружной семьей...

Галина КУЛИКОВСКАЯ
Фото Бориса КУЗЬМИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

— То, что мы увидели, колоссально,— говорит Владимиру Чупилову Альварес Франсиско (слева), кубинский сталевар.

— Очень довольны, что находимся здесь, мы чувствуем себя как дома, — дополняет Альвареса Армандо Санчес Сигуера из Гаваны.

Череповец. Обыкновенный русский город необыкновенной судьбы. Всего несколько лет назад над скромной рекой Шексной властно поднялись домны и мартены. Сегодня имя города стоит в первом ряду центров черной металлургии. Вдохновенным героическим трудом завоевано это доброе имя. И словно данью заслуженного признания звучит в цехах металлургического завода иноязычная речь — сюда едут узнавать и учиться.

Но никогда не было в Череповце так много гостей, как в эти декабрьские предпраздничные дни. Город и завод готовились к интернациональной плавке «Дружба», посвященной 50-летию образования СССР. Ветер яростно гнал низкие серые облака, раздувал алые стяги на мостках и галереях, но празднично и ярко было у мартенов и электропечей. У входа в корпус — земной шар со сталеразливочным ковшом и сплетенные над ним ладони. В пролетах цехов всем понятное слово: «Другарство», «Фроиндшафт», «Дружба»...

За право участвовать в плавке соревновались тысячи бригад в Европе, Азии и Латинской Америке. И вот советские республики, Болгария и Венгрия, ГДР и Куба, Польша и Румыния, Чехословакия и Югославия прислали своих правофланговых. Одетые в синие суконные робы, золотисто-оранжевые каски, с широкими красными лентами через плечо мастера огненного дела по-хозяйски рассредоточились по объектам. Торжественная плавка началась одновременно на трех агрегатах. Не беда, что Альварес Франсиско говорит только по-испански, а Владимир Чупилов только по-русски. Они и без слов понимают друг друга. «Да, да», — кивает головой Франсиско. Пора, значит, электропечь загружать железом. «Добже», — замечает поляк Антони Ециорски сибиряку Раису Нургалиеву. Значит, все идет нормально, все в порядке. Болгарин Георгий Пенков, украинец Иван Каела и немец Петер Зауэр—все они Герои Социалистического Труда, один из Перника, другой из Запорожья, третий из Ризы — вовсе обходятся без переводчика. Забота у всех одна и мысль одна: сварить сталь как можно лучше и быстрее. Стойко Александер, Герой Социалистического Труда, конверторщик завода в Галаце, впервые в жизни встретился с Гурием Петуховым из Череповца. «От всего сердца, — и румынский сталевар прикладывает руку к груди,— я желаю тебе таких же успехов в труде и счастья в личной жизни, как только что прошедшая плавка!» Сталь была получена на первом мартене в невиданно короткий срок — всего через два часа сорок минут — и строго по заказу.

Интенсивнее всего идет плавка на двухванной печи № 12. Тут особенно многолюдно. Кажется, только что левая ванна этого сдвоен-

15 декабря. Череповецкий металлургический завод...

КРЕПЧЕ СТАЛИ

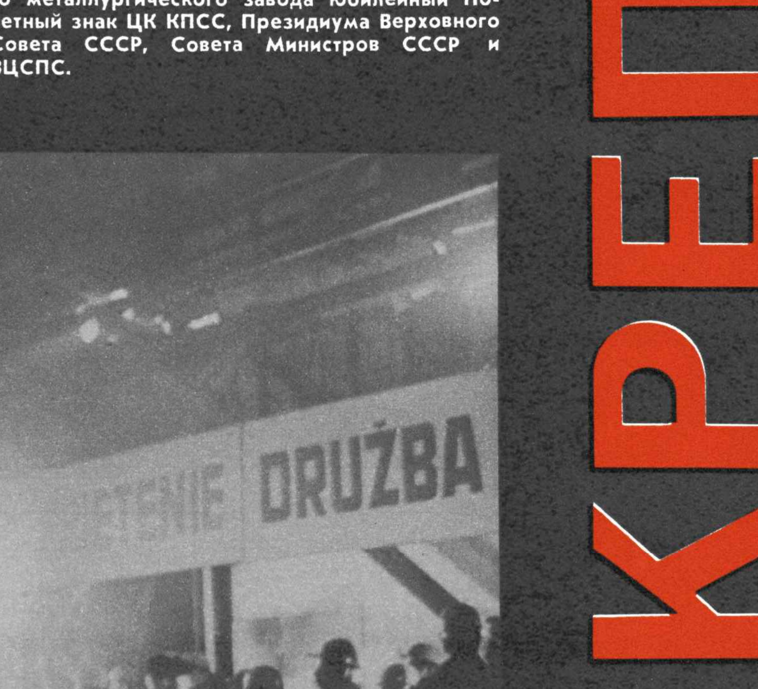

ного агрегата выдала трехсоттонную порцию металла, и вот уже на подходе вторая плавка. Подъезжают сюда то заправочная, то завалочная машины, составы с мульдой и краны. В подручных отбоя нет. На пультовую к сталевару и оператору печи Василию Попову не пробиться: его атаковали репортеры.

Через 1 час 55 минут — рекордно сжатый срок — Василий Попов доложил главному сталеплавильщику Главного управления металлургической промышленности М. М. Привалову: «Плавка прошла успешно!» Теперь сталевар В. Попов, депутат Верховного Совета СССР, мог спокойно уезжать в Москву на сессию.

...Интернациональная плавка завершена. Получены несколько сот тонн металла — это, конечно, капля в мировом океане стали. Но плавка эта доказала: с каждым днем будет расти в том океане акватория стран социалистического содружества, уже сейчас она составляет его третью часть. Рабочая солидарность, рожденная в труде, крепче стали.

Вечером в концертно-спортивном зале «Алмаз» член ЦК КПСС, первый секретарь Вологодского областного комитета партии А. С. Дрыгин вручил коллективу Череповецкого металлургического завода Юбилейный почетный знак ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС.

Василий Кирнев, сталевар Магнитогорского комбината, участник юбилейной плавки.

Мы видели, как в типографии на пятнадцати языках народов СССР набиралась эта полная огромного смысла фраза, мы видели, как рождались буквы для нее, как выстраивались они знак за знаком в стройный ряд...

Наш репортаж с завода, где рождаются эти буквы.

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

МЫ — СОВЕТСКИЙ НАРОД

В ловких руках наборщика знаки обретают словесную плоть, становятся строфами стихов и строками статистических отчетов, страницами книг и плакатов.. Но все: поэзия и документы, все написанное — начинается с буквы. А буква, в свою очередь, начинается здесь, в здании на Большой Коммунистической улице, в цехах Московского шрифтолитейного завода, работники которого «...придали облик каждой букве, воздвигли букву», — как сказал Пабло Неруда.

Воздвигли букву! И не только русскую...

...Очень современна продукция этого завода... В дни, когда мы тут были, отсюда уходили посылки со шрифтами, бережно укутанными в плотную специальную бумагу. На посылках адреса: Ташкент, Калининград, Фрунзе, Астрахань, Алма-Ата, Орджоникидзе, Душанбе, Кишинев, Кострома, Улан-Удэ, Чита, Ашхабад, Йошкар-Ола, Киев, Минск, Челябинск...

— Иногда возьмешь в руки книгу, начнешь читать и вдруг узнаешь: наш шрифт-то, мы его отливали,— говорит начальник шрифтолитейного цеха, секретарь партийной организации завода Иван Тихонович Панков. — С каждым годом на нашем заводе все большее место занимает производство национальных шрифтов. Мы делаем шрифты едва ли не для всех народов Советского Союза. На наших отливочных машинах оживают и национальные орнаменты.

По истории завода можно проследить и за историей развития культуры той или иной национальности. Где-то на дальней окраине появлялась своя, национальная письменность, и в план завода включался выпуск шрифтов письменности, которой вчера еще не было.

Ныне на заводе отливаются самые разные шрифты. Переходя от одного верстака к другому, мастерицы собирают азбуки чуткими пальцами. Читаем комплектовочные таблицы. Туркменский, казахский, молдавский, украинский, белорусский, удмуртский, русский... Зримыми становятся стихи Павло Тычины:

Рядом льется наша «мова»
С русской Волгой речевой...
Эта мова — черноброва,
Та сияет синевой.

Работница, только что собиравшая шрифты для будущей русской книги, сейчас аккуратно комплектует азбуки узбекского, эстонского и осетинского языков, в его алфавите, кстати, 43 буквы.

...В цехах завода можно проследить за всей биографией буквы и заглянуть в ее будущее. Самые первые, гутенберговские литеры вырезались из дерева. И сейчас на московском заводе отдают должное этому материалу, есть тут участок деревянных шрифтов.

— Правда, он дает особую продукцию: крупные афишные шрифты, — рассказывает директор предприятия Николай Иванович Семенов.— Каждую букву делают из бука; дерево фрезеруют, гравируют, шлифуют.

Совсем недавно вырезали здесь буквы новой деревянной гарнитуры и назвали ее «гранит». Завод участво-

Отливщик шрифта Алексей Павлович Марченко.

вал в выполнении почетного заказа — выточили комплекты нового плакатного грузинского шрифта по имени «юбилейный».

Но основной объем производства приходится все же на цех металлического, гартового шрифта. Цех отливки — главный на заводе и самый большой. В четыре ряда стоят станки, полыхающие жарким пламенем тиглей. На одном сейчас отливают украинский шрифт, на другом — туркменский, на третьем — молдавский. Вычеканивают крохотные, едва заметные нонпарельные знаки. А рядом — заголовочные, книжные. В недрах раскаленного тигля, в вихре огня, где плавится гарт, зарождается буква.

А завтрашний день! Несколько лет назад появилась первая пластмассовая литера. Она очень робко давала о себе знать. С нее делали печатные оттиски лишь ее создатели, те, кто позже получил за эту интереснейшую работу авторские свидетельства и почетные дипломы. Они-то верили в пластмассу, знали, что она может не только соперничать с традиционным гартовым сплавом, но и победит его, хотя и не так скоро.

Первые попытки отлить пластмассовую литеру делались еще в 1934 году. Неудача следовала за неудачей. Дело тогда оставили. И в 1960 году, когда усилиями ученых и производственников появилась пластмассовая композиция АТ, к ней отнеслись с недоверием, ну, если не с недоверием, то с осторожностью. За весь год ушло с завода всего около двух тонн пластмассовых шрифтов из АТ. А теперь за пластмассовыми азбуками присылают своих гонцов типографии многих республик — удобен, хорош новый шрифт. Всего несколько лет назад специальные машины едва осиливали пластмассовые шрифты небольших размеров. Сегодня стали обычными и крупные, очень трудные в отливке заголовочные и даже афишные литеры. Давая столь же четкий рисунок буквы, как и гартовая, пластмассовая в десять раз легче ее.

С мастером участка комплектовки Александрой Матвеевной Красниковой идем вдоль длинных, чуть наклоненных столов с десятками небольших металлических лотков-подставок. Ловкими, неуловимыми глазу движениями комплектовщицы выстраивают на них рядки строк.

— Лучшие работницы за смену собирают до миллиона знаков,— как о чем-то обычном, говорит Александра Матвеевна. Для нее самой тут особых хитростей нет — скоро тридцать лет, как она на предприятии.

Вроде бы чего проще: взять небольшой столбик литеры и поставить ее по соседству, плечом к плечу, с другой; поставить в сверкающий только что отлитым, свежим металлом рядок. Но собрать, например, русскую азбуку — еще не значит найти и выстроить 36 прописных и все строчные буквы. У языка свои законы, и, скажем, О, К, Е в русских словах повторяются чаще, чем З, Ч, Ц. Значит, одних знаков надо больше, других — меньше. Берешься за таджикскую азбуку — свои особенности. А в азербайджанской — свои. В 1922 году в Азербайджане были начаты работы по переходу на новый алфавит, а сейчас только в Москве делают миллионы знаков этого алфавита. С любовью, с заботой готовят московские шрифтолитейщики литеры национальных шрифтов...

И не было случая, чтобы наборщик в типографии какого-то другого города остановился вдруг над версткой книги из-за того, что неопытный или невнимательный его московский коллега-шрифтовик забыл о чем-либо. Тонкая, кропотливая работа у составителя шрифтовых азбук, и нет в ней мелочей. Навык, сноровку, опыт приходится приобретать тут же, в цехе — уникален этот завод, нет другого такого в Москве. Нигде никто не учит мастерству составления шрифтовых азбук. Два-три года, а то и больше требуется новичку, чтобы овладеть профессией...

Словолитня... Так называли прежде типографии на Руси. Очень точное слово. Так можно назвать и столичный завод, цеха которого снабжают все республики, все народы на земле советской, звонкой гордой продукцией. В конечном счете с нею ежедневно встречается каждый из нас.

Б. Окороков. «НЕИЗВЕДАННЫЕ ДАЛИ».

Бабкен КАРАПЕТЯН

ВСТРЕЧА ТИТАНОВ

Голос вспененных вод, несмолкаемый голос морей —
Он со мной неразлучен, душе он созвучен моей.
От дневной кутерьмы отрешиться еще не успев,
Выхожу я послушать вечернего моря напев.

Голос моря то нежен и робок, то дик и суров;
В нем упрямая сила и зрелая мудрость веков.
Околдованный им, я у отмели молча стою,
Море, море, о ком же слагаешь ты песню свою?

Щедро вызрели звезды, украсив собой небосвод,
О бессмертье великих торжественно море поет.
Белопалубный лайнер, огнями знакомо лучась,—
Возвращается «Пушкин» к родным берегам в этот час.

Возвращается «Пушкин», а вдаль сквозь белесый туман
Отплывает «Шевченко», идет «Ованес Туманян».
И друг другу в пути салютуют гудками они,
И, как зыбкие звезды, дрожат бортовые огни.

Забывая о времени, моря бескрайний простор,
Корабли меж собою неспешный ведут разговор.
И мелодия моря прозрачна для них и ясна,
И язык кораблей понимает морская волна.

И мерещится мне, что в тревожном ночном забытьи
Ованес Туманян переводы читает свои.
И волнуется Пушкин, когда, возродясь вдалеке,
Строфы песен его на армянском звучат языке.

А потом, над водою встречая багряный рассвет,
Он негромко стихи Туманяну читает в ответ.
И Шевченко внимает ему, улыбаясь светло,
И Шота Руставели склонил над прибоем чело.

«Украина», «Россия», «Абхазия»...
В розовый дым
Корабли, словно птицы, уходят один за другим.
— Здравствуй, племя младое... — доносится в зове гудков,
И счастливая юность откликнуться рада на зов.

И, рассветной порой обгоняющий чаек морских,
Облетает просторы крылатый шевченковский стих:
— Як умру, то поховайте...— И спорит с поэтом заря:
Жив кобзарь на земле, и свободна земля кобзаря!

Неоглядное море издревле величья полно;
Счет бегущим столетьям давно потеряло оно.
И встречаются в нем, без труда побеждая года,
Те, что людям служа, остаются с людьми навсегда.

Отгорает закат, занимается в небе восход;
И бессонное море раскованно песню поет.
Море — тоже поэт, и сливается голос волны
С голосами поэтов, что каждому сердцу слышны.

Бесконечные дали легко бороздят корабли;
Продолжается жизнь сыновей легендарной земли.
И повсюду летят их стихи, и во все времена
Согревают людей незабытые их имена.

Перевел с армянского
Яков СЕРПИН.

Евдокия ЛОСЬ

«ДРУЗЬЯ, СПОЕМ!»

— Друзья, споем «Интернационал»!
И встали люди, развернули плечи,
Дышать тотчас же в зале стало легче,
Как будто прокатился свежий вал.

— Друзья, споем «Интернационал»! —
Сказал один, а сотни подхватили...
Они не раз по миру проносили
Победный флаг, что так горяч и ал.

Мне верится: споет не только зал,
Но и весь свет подхватит голосисто,
Услышав жаркий голос коммуниста:
— Друзья, споем «Интернационал»!

Перевела с белорусского
Светлана КУЗНЕЦОВА.

НАШ Д

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

Эта рубрика появилась в «Огоньке» в первом номере юбилейного 1972 года. Мы сообщили тогда читателям, что, комментируя строки биографии СССР, журнал расскажет о великих свершениях братского Союза советских республик.

В течение года на страницах журнала публиковались комментарии к разным событиям из жизни Советского многонационального государства, начиная с первых дней его рождения. Сегодня, «закрывая» эту рубрику, мы вновь возвращаемся к строкам биографии нашей Отчизны, что помечены памятным декабрем 1922 года. И в заключение — слово видному советскому писателю, государственному деятелю Юстасу Палецкису.

Пятьдесят лет для человека — зрелость. Для государства — юность. А юность, как известно, пора бурного роста и ввысь и вширь. В юности мгновение к мгновению и начинает складываться биография. Для человека она порой умещается вся на одной страничке. А если это биография государства? Ее не уложишь и в сотню томов.

Союзу ССР полвека. Оглядываясь на годы становления и роста, естественно, хочется охватить их взглядом целиком. Но это невозможно: биография необъятна. На каких же ее «страницах» тогда сосредоточиться? Видимо, на тех, которые наиболее ярки. Но и таких несчетное множество. «Огонек» решил прокомментировать год за годом наиболее важные сообщения о жизни страны, появлявшиеся в прессе... Первая ГЭС в Закавказье, заводы и стройки, каких не видел мир, техническое вооружение сельского хозяйства, строительство метро, зачин стахановского движения, первый день войны и радостная Победа, создание новых и реконструкция старых городов, формирование, наконец, рождение нового человека — вот далеко не полный круг событий, давших богатую пищу для комментариев к биографии страны.

Однако многие читатели, в особенности люди моего поколения, мысленно перелистав газеты и журналы сорока-тридцати-двадцатилетней давности, тут же припомнят множество и других значимых «записей» в биографии страны. Я тоже так сделал. И мне тоже захотелось прокомментировать, скажем, фотографии «Огонька», запечатлевшие начало больших строек на Волге в районе Жигулей (там, где сейчас работает Куйбышевская ГЭС, где широко раскинулись корпуса автозавода); или заметку о первых поисках газа в Средней Азии (там, где через пустыню протянулась гигантская газовая магистраль); или первые сообщения о Казахстанской Магнитке, созданию которой помогали 555 заводов РСФСР, Украины, Армении, Узбекистана (ее металл идет ныне во многие края Союза); или восторженные репортажи о первых домах в Черемушках (за последнее время у нас в стране ежегодно получают новые квартиры и улучшают жилищные условия 11 миллионов человек); или несколько страниц «Огонька» с цветными фотографиями из белорусского села, меняющего свой облик (тысячи и тысячи сел сегодня уже выглядят так, будто это не село, а город); или сообщения о первых отечественных телевизорах, фотографии, на которых показано, как «на телевизор» собрались соседи со всего дома (в любом универмаге они стоят в ряд, самые разные советские телевизоры). Вспоминаю, как описывалась в прессе выставка костюмов, трикотажа, пальто из искусственного волокна — вот чудеса, творимые химией! Но тогда все эти образцы товаров были зарубежные. Уже давно хлынули на прилавки магазинов такие же товары из цехов отечественных комбинатов.

Сколько их таких, перевернутых страниц истории, больших праздничных событий, давно перешедших в разряд будничных: проектированию самой мощной в мире домны пресса иногда посвящает информационную заметку в 50—60 строк, а о выпуске новых телевизоров, о появлении нового города на карте СССР порой сообщается в хронике. Сегодня это уже наши будни...

Но какой трудной, непроторенной дорогой шли мы в это сегодня! И об этом вновь и вновь думалось, когда я перелистывал огоньковские комментарии к биографии страны. Нет, мы никогда не забудем этапные события в истории нашей Родины. Они, эти события, свежи и в моей памяти, хотя я не был непосредственным участником многих из них: советская биография Прибалтики намного короче биографии Страны Советов.

Среди опубликованных в «Огоньке» комментариев мне особенно близок тот, что посвящен двум фотографиям 1940 года,— они напоминали о счастливых днях вступления в Союз братских советских республик прибалтийских государств, пребывавших в незавидном положении полуколонии капиталистических держав.

Да, прибалтийским государствам не было суждено совершить это в 1922 году, когда в торжественный день 30 декабря по заснеженным улицам Москвы к Большому театру шли люди в русских полушубках, в строгих костюмах горцев и пестрых восточных халатах, когда на Красной площади звучала разноязыкая речь... Для нас Красная площадь была тогда еще символом далекой надежды. С этой площадью, позже ставшей частицей моей жизни, я встретился в первый раз одиннадцать лет спустя. Это было в январе 1933 года, когда я, будучи иностранцем, гражданином Литвы, впервые попал в Москву на торжества, посвященные десятилетию образования СССР. Из ложи журналистов Андреевского зала Большого Кремлевского дворца я наблюдал за работой сессии ЦИК СССР. М. И. Калинин, отмечая значение Союза ССР, напомнил о силах, которые дают возможность десяткам различных национальностей не только дружно жить, но и проявлять тесное сотрудничество, направлять свою волю к единым целям, показывать примеры самопожертвования для общего дела, укреплять единое Советское государство. «Этой силой,— сказал М. И. Калинин,— являются великие цели пролетариата, стоящего у власти. Этой силой является коммунистическая партия, ведущая пролетариат к освобождению от всех видов рабства. Этой силой является сознание трудовых масс, что под руководством партии они творят великое дело: освобождаются от векового угнетения, создают новое, свободное царство труда — коммунизм».

Слушая эту речь, речи ораторов, я думал о невиданно коротких сроках исторических свершений, о том, какими сказочно быстрыми темпами Союз Советских Социалистических Республик осуществлял строительство социализма. Я всматривался в одухотворенные лица русских и узбеков, украинцев и грузин, белорусов и армян, людей, говоривших на разных языках, но спаянных единой целью, и думал: «Когда же пробьет и наш час? Может быть, и он недалек?..»

Наш час пробил через семь лет! В 1940 году, в июне, народ Литвы свергнул фашистскую диктатуру и создал свое правительство. Судьба снова привела меня на Красную площадь, но уже не гостем, а гражданином Союза ССР[1].

...Мне, человеку преклонных лет, отчетливо представляется каждая минута того счастливого для нас, литовцев, дня. И для меня лично особенного потому, что никогда прежде я так остро не ощущал слитность своей судьбы с судьбой страны. Светлая надежда прибалтийских государств осуществилась: границы наших республик как бы раздвинулись, вся огромная Советская страна стала нашим единым большим домом. И невольно на память приходят строчки из письма узбекского народа своим землякам, сражавшимся на фронте в годы Великой Отечественной войны: «В нашей стране нет межей, которые бы разделяли наши дома... Ведь твоя улица начинается в Белоруссии, а дом украинца — в твоей махалле».

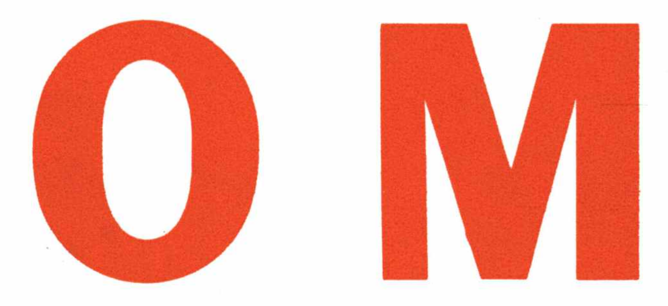
Как ни много нас в большом советском доме, но никому тут не тесно, никто не забыт и не обижен.

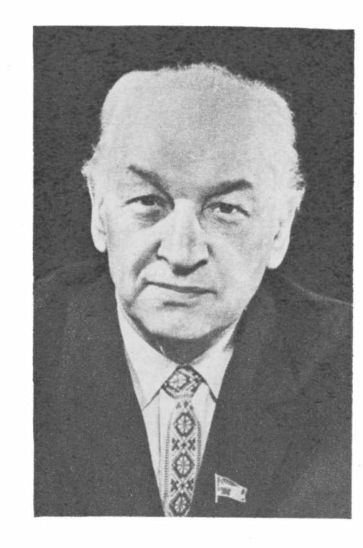
Не за 46 столетий, как пророчили царские чиновники, а за несколько десятков лет народы Средней Азии не только стали грамотными, но и пошли нога в ногу с самыми культурно развитыми народами мира. Советский Узбекистан, например, по числу студентов на 10 тысяч

---

[1] Ю. Палецкис, активный участник борьбы антифашистского народного фронта в Литве против правительства Сметоны, возглавил летом 1940 года народное правительство Литвы, был главой делегации Народного сейма, передавшей Верховному Совету СССР ходатайство о вступлении Литвы в состав Советского Союза. Он был избран Председателем Президиума Верховного Совета Литовской ССР, избирался заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР и Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Юстас ПАЛЕЦКИС,
Герой Социалистического Труда,
депутат Верховного Совета СССР

человек населения опередил такие государства, как Англия, Франция, Италия, ФРГ.

Хотя моя Литва находится не в Азии, а в средней Европе, но при буржуазной власти и она не могла выйти из состояния отсталости. Около четверти населения здесь было полностью неграмотным, а большинство — малограмотным. За 20 лет при буржуазной власти высшую школу окончило лишь около 3 500 человек, из них было всего 303 инженера. А буржуазия вопила о переизбытке интеллигенции. Прибалтике пришлось догонять братские народы, которые при Советской власти словно на сказочных крыльях умчались далеко вперед по пути прогресса. Число учащихся средних школ и техникумов за советское время возросло в Литве в 10, а студентов — в 15 раз. В 1972 году средние школы и техникумы республики окончили около 35 тысяч учащихся, то есть больше, чем всего было их при власти буржуазии. За послевоенные годы литовские вузы выпустили свыше 97 тысяч человек, из них 20 тысяч инженеров. Сравните: ведь было-то всего 303 инженера! И никто сейчас у нас не жалуется на переизбыток интеллигенции!

А ведь сколько написано клеветнических книг, в которых большевиков изображали в облике «грядущего хама», в которых пророчили: «Советы убьют культуру, уничтожат цивилизацию». Хулители, клеветники из лагеря антикоммунистов не перевелись и сегодня. Только они стали в своих приемах изощреннее. Стремясь посеять вражду между братскими народами, идеологи империализма трубят о каком-то «русификаторстве», «русском колониализме». Смешные потуги, которые не введут в заблуждение даже школьника! Кто не знает, что русский народ оказывал и оказывает бескорыстную помощь народам-братьям, не жалея на это ни сил, ни средств, что нет у нас условий для эксплуатации человека человеком, народа народом. Именно Россия, русские люди помогали строительству первых больших предприятий в Закавказье, Средней Азии. Прибалтика всегда будет помнить, как москвичи, ленинградцы помогали ей восстанавливать разрушенное гитлеровцами хозяйство. Так воплощалась в жизнь ленинская национальная политика Коммунистической партии.

Социалистические принципы ведения хозяйства Советского Союза особенно ярко видны на примере Прибалтики. Достаточно рассмотреть два примерно одинаковых по времени периода ее экономического развития: буржуазный — с 1913 по 1940 год и советский — с 1940 по 1971 год. В 1940 году по сравнению с 1913 годом объем промышленного производства буржуазной Литвы увеличился в 2,6 раза, а за годы социалистического развития—в 34 раза. По сравнению-же с 1913 годом — в 87 раз.

Не перечислить всех чудесных, поистине сказочных перемен, происшедших в наших республиках, добровольно объединившихся в союз равных и свободных!

В связи с межпарламентскими встречами с делегациями мира и дружбы я побывал в десятках стран всех континентов. И повсюду мы, советские люди, с гордостью убеждались в том, какое поистине всемирно-историческое значение имеет опыт строительства многонационального государства в СССР.

Мир, мирную политику, немедленные «переговоры о справедливом, демократическом мире» — вот что провозгласило Советское государство на второй же день после своего рождения. Мирное сосуществование государств с различным социальным строем, превращение Союза ССР в силу, способную влиять на международную обстановку и изменять ее в интересах трудящихся,— какой недосягаемой казалась такая задача в 1922 году! Тогда только-только закончилась гражданская война, и были изгнаны интервенты, и было немного правительств, признававших Советское государство! И как приятно слышать заявления руководителей иностранных государств, деловых людей, ученых, деятелей культуры различных стран о Советском Союзе как об одной из могущественнейших держав, обладающей гигантским экономическим потенциалом, величайшим авторитетом в международной политике. Как приятно слышать слова благодарности наших друзей: «Ваш опыт помогает нам строить новую жизнь». Полувековой опыт СССР — наглядная демонстрация жизненной силы социалистического интернационализма. Внутренняя и внешняя политика нашей партии способствует укреплению позиции социализма, всех прогрессивных сил, оказывает серьезное влияние на изменение международной обстановки в пользу мира и безопасности народов.

Конечно, в зарубежных поездках приходилось кое с кем и поспорить, а с явными недругами даже поругаться. Вспоминается полемика с некоторыми западными социалистами — немецким социал-демократом Карлом Шмидтом, французским социалистом Мариусом Мутэ, английскими лейбористами Веджвудом Беном, Д. Хилли, Г. Хайндом и другими. Они любили критиковать кое-какие наши недостатки с точки зрения «классического социализма». А я им неизменно отвечал: «Пожалуйста, постройте у себя социализм, посмотрим, как это у вас выйдет. Может быть, кое-чему сможем поучиться. Но что-то у вас вообще далеко до социализма. А наш советский народ первым в мире построил социалистическое государство и сумел его отстоять»,

Просчитались скептики и всякого рода клеветники — и за границей и у нас дома. Никто теперь и не помнит имен горе-пророков, которые на весь мир утверждали, что Советская власть продержится недолго, что построение социализма — чистейшая фантазия, утопия, что многонациональное Советское государство при первом серьезном ударе развалится, а его народы передерутся. Где теперь эти хулители нашего государства? Нет сомнения, что та же участь ждет и современных антикоммунистов.

История — за нас, за наше правое дело. История засвидетельствовала перед всем миром: дружба советских народов выдержала такое испытание, какого еще не знало человечество,— Великую Отечественную войну. Эта дружба и впредь выдержит любое испытание.

Мудра, крепка и незыблема правда, на которой построено многонациональное единое Советское государство. Непреоборимы ленинские идеи дружбы и единства народов, на которых она держится.

«Совнарком Туркестанской республики постановил выдать премию и оборудовать за свой счет кабинет женщине-врачу Досшановой, окончившей осенью этого года медфакультет Туркестанского госуниверситета. Досшанова — первая уроженка Туркреспублики, получившая высшее образование».

«Правда». 20 декабря 1922 г.

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

А БЫЛО ИХ ДВОЕ...

В. КОСТЫРЯ

Поиски Аккагаз Досшановой привели меня в Ташкентский медицинский институт. Здесь я встретился с ее подругой, заслуженным врачом Узбекской ССР Яхиной-Терегуловой.

— С Аккагаз я познакомилась еще до революции,— вспоминает она.— Девушка выросла в бедной казахской семье... Вы не представляете, как трудно было тогда женщине-мусульманке получить образование! И все же Аккагаз добилась своего — поступила на медицинский факультет университета... Потом мы вместе работали. Врач из нее получился замечательный, больные буквально рвались к ней на прием. А из далеких казахских аулов частенько приезжали ее земляки: они хотели лечиться только у Аккагаз или у ее подруги Зульфии Умидовой. Если Досшанова — первая врач-казашка, то Умидова — первая узбечка, которая вместо паранджи надела белый халат. Они, кстати, вместе учились. Так что в 1922 году университет закончили две уроженки Туркреспублики.

В тот же день я побывал у члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР, заслуженного деятеля науки Узбекистана, профессора, доктора медицинских наук З. И. Умидовой.

— Помните ли вы свою сокурсницу? — спросил я.

— Еще бы! Такие люди не забываются. Настоящая подвижница своего дела. Знаете, чем она всех поразила: согласилась работать в старогородской части Ташкента. А в те годы там была вотчина знахарей-табибов. Представляете, бросить вызов знахарям! И кто это делает — врач, да к тому же еще женщина без паранджи. Для этого нужно немало мужества, могли ведь и камнями побить, а то и забить до смерти...

— Мне повезло больше,— продолжает Зульфия Ибрагимовна.— С самого начала я работала в новых районах Ташкента, где влияние мулл и табибов было куда меньше. Да-а, много могла бы сделать Аккагаз, но слишком рано ее подстерег недуг. Доктора Досшановой среди нас нет, но остались ее ученики, много учеников...

Ныне в Узбекистане 120 тысяч врачей и медицинских работников и большинство из них женщины — узбечки, казашки, таджички, туркменки... А ведь 50 лет назад их было всего двое.

На снимке: профессора О. М. Павлова и З. И. Умидова среди студентов Ташкентского медицинского института.
Фото Н. Ключнева.

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ...

Б. СОПЕЛЬНЯК

«На днях Древтрестом отправляется в Ревель первая партия спичек в количестве 5000 ящиков для пересылки на английский и французский рынки».

«Правда». 23 декабря 1922 г.

Мы встретились у «железной стенки». Дул шквалистый «норд», и я никак не мог приноровиться к его неожиданным порывам: то, словно наткнувшись на холодную, упругую стену, беспомощно топтался на месте, то, подталкиваемый в спину, мчался со скоростью спринтера.

Мы остановились с подветренной стороны огромного склада. Мой спутник Ф. Ф. Романов, жилистый семидесятитрехлетний старик, стряхнув выжатую ветром слезу, спросил:

— Что, умаялись?.. Ничего, ничего, будете знать, каково приходилось когда-то грузчикам: а ведь мы под ноябрьским «нордом» не гуляли, а работали. Проложим куда-то к небесам пару досок — борт судна вон какой высокий — и бегаем по ним с утра до вечера с тюками хлопка или мешками зерна на спине.

— А кранов что, не было?

— Какие еще краны! — удивился Филипп Филиппович. — Все — от паровозов и станков до бревен и угля — таскали сами. Я в порту с шестнадцатого года, работал и каталем и крючником, потом стал бригадиром... А вообще-то здесь была целая армия грузчиков — тридцать пять тысяч... После гражданской войны я снова вернулся на эти причалы. Расчистили морской канал, отремонтировали места швартовки, построили

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

«МИЛОСТИ ПРОСИМ!..»

А. ГОЛИКОВ

«Центр края — Мурманск... переживает теперь тяжелый жилищный кризис... Постройки главным образом барачные... Положение рыбных промыслов ныне плачевное...

Промышленности в губернии нет почти никакой...»

(«Правда». 28 декабря 1922 г. Из беседы с председателем Мурманского губисполкома.)

В кабинете председателя Мурманского облисполкома Алексея Павловича Зазулина висит карта области. Это Кольский полуостров, часть материка, полуострова Рыбачий и Средний, острова Баренцева и Белого морей. Территория обширная и вся раскинулась за Полярным кругом. О тяжком положении этого сурового края говорил в 1922 году корреспонденту «Правды» делегат X Всероссийского съезда Советов, тогдашний председатель Мурманского губисполкома. Я прошу Алексея Павловича прокомментировать эту беседу.

— Хорошо, — соглашается он. — Тогда председатель губисполкома сетовал: «Огромная территория губернии, а население — 18—20 тысяч человек. Положение рыбных промыслов плачевное... Промышленности в губернии нет почти никакой». Так вот, сейчас в Мурманской области живет более 800 тысяч человек. Среди них квалифицированные рабочие, специалисты, кадры, необходимые для процветания края. Трудовые успехи северян высоко оценила Родина. В нашей области 45 Героев Социалистического Труда, тысячи награждённых орденами и медалями. И среди них много коренных жителей тундры, представителей народностей саами, коми, ненцев.

Неузнаваемым стал и Мурманск. Мы влюблены в этот город. Наши поэты сравнивают его с гигантским кораблем, ошвартовавшимся среди сопок на берегу Кольского залива, готовым снова уйти в плавание. И верно! Самый большой город за Полярным кругом отправляет свои корабли в 170 портов земного шара. А по утрам местное радио после метеосводки сообщает, какие суда сегодня прибывают в порт. Это к сведению тех, кто ждет моряков из дальних плаваний.

Мурманские рыбаки промышляют ныне в Мировом океане и дают стране 11 миллионов центнеров рыбы в год.

Сегодняшний Мурманск — это большой современный город, в котором человеку удобно и приятно жить. Многоэтажные дома, самый северный в мире троллейбус, улицы обсажены рябинами и березами; хоть и невысокими, но все же три месяца в году зелеными. Город растет, строятся новые жилые районы, магазины, школы, поликлиники...

Преобразился весь наш край. Взгляните на карту. За минувшие 50 лет у нас появились 11 городов, новые индустриальные центры. Вот знаменитый комбинат «Апатит» имени С. М. Кирова, снабжающий всю страну ценным минеральным удобрением. Предприятие поистине уникальное. Один из его рудников находится на заоблачном плато. Там вечные снега и пурга бушует по три недели кряду. Однако поток руды течет безостановочно. И еще два наших детища — «Североникель» и «Печенганикель». Без них невозможно представить советскую промышленность цветных металлов — никеля, кобальта, меди... А железорудные комбинаты в Оленегорске, Заполярном, Ковдоре, алюминиевый завод в Кандалакше... Всего у нас действует более ста крупных предприятий.

Мурманская область, можно сказать, самая электрическая в стране. У нас 13 гидроэлектростанций, три теплоэлектроцентрали, единственная в стра-

Эти тракторы пойдут в Чили.

Фото Г. Макарова.

новые склады, а тут подошли и суда с продовольствием, станками, паровозами, оборудованием для первых советских строек. Работали день и ночь — знали, как нужны эти грузы стране. А пустые трюмы загружали лесом, фанерой, досками, спичками. Не исключено, что и мне пришлось таскать те самые ящики со спичками, о которых писала «Правда».

Ветер немного стих, и мы двинулись дальше.

— Тогда крупные суда швартовались у «железной стенки»,— продолжает Филипп Филиппович,— все причалы были деревянные, а этот укрепили металлическими сваями... Только-только привели все в порядок — грянула война. В блокаду я стал начальником порта. Хотя это так, по штату — порта в ту пору фактически не было: каждая десятая бомба и снаряд, упавшие на Ленинград, достались нашим причалам и складам. Как тут все было изуродовано, уму непостижимо! А теперь...

На следующий день тучи ушли на юг, и под ярким северным солнцем заблестела надраенная медь кораблей, засверкали лупоглазые иллюминаторы, засеребрились стрелы кранов.

— Порт надо смотреть с моря! — решительно заявил начальник всего этого огромного хозяйства А. С. Казакевич.

...Разваливая тяжелую балтийскую волну, быстроходный катер побежал по морскому каналу, обгоняя буксиры, тащившие гигантские океанские суда. Здесь были тяжеленные рудовозы и кокетливые «пассажиры», загруженные до самой трубы лесовозы и загроможденные большущими ребристыми ящиками контейнеровозы и просто осевшие до самой ватерлинии суда под флагами разных стран.

— И так круглый год! — сказал Александр Сергеевич.— Уже одиннадцать лет наш порт считается «незамерзающим», хотя залив сковывает толстый ледяной панцирь. Навигация не прекращается даже в самые сильные морозы: мощные ледоколы выводят караваны судов на чистую воду. Это позволило перерабатывать восемь миллионов тонн грузов в год!

— А что это за грузы?

— Пятьдесят лет назад мы начинали со спичек, а теперь... Вот, например, теплоход «Коломна», он идет в Роттердам с тканями, лабораторным оборудованием, нефте- и химическими продуктами. «Братск» везет в Лондон партию «Москвичей». У «Ижевска» рейс дальний — в Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айрес, на борту точные станки, подшипники, фотоаппаратура. «Василий Качалов» доставит в США часы и фотоаппараты. А в трюмах «Балтикс Прайт», идущего в Лондон,— грузовые автомобили, радиоприемники, станки-автоматы, оптические приборы и медикаменты. У «Новотроицка» тоже дальний рейс — в Австралии он сдаст наши ткани, тракторы и мотоциклы. «Датч спирит» везет в Голландию фенол. А вот и наш флагман — теплоход «Владимир Ильич», он идет в Японию с узбекским хлопком. «Суздаль» ждут на Кубе с автомобилями, продовольствием и станками... А в открытом море сейчас находятся корабли с советскими тепловозами, самолетами, троллейбусами, генераторами, железобетонными изделиями... Как видите, окно в Европу распахнуто настежь — развитие мировой торговли и экономики без советских товаров теперь немыслимо. А посему окно приходится расширять. Сейчас Ленинградский ордена Ленина торговый порт принимает суда водоизмещением до сорока тысяч тонн, а через несколько лет у его причалов будут швартоваться еще более крупные корабли мирового флота.

не приливная электростанция. На Кольском полуострове строится и атомная электростанция.

В 1922 году здесь не было дорог, и «...сообщение осуществлялось только зимой на оленях или летом по рекам». Это я прочитал в заметке из «Правды», которую вы мне показали. Теперь в Заполярье широко развиты железнодорожный, морской, автомобильный и воздушный транспорт. Реактивный лайнер может за два часа доставить вас из Москвы в Мурманск, а за три-четыре часа — из Заполярья на Черноморское побережье. Так что милости просим! Прилетайте!..

Мурманск в декабре. Три часа дня...

Иосиф НОНЕШВИЛИ

ПЕСНЬ ДРУЖБЫ

Пусть на сердце радость
Растет год от года.
Да здравствуют братство
И дружба народов!

Слова Руставели
Звучат и поныне
Под небом Отчизны,
Безоблачно синим.

Мы помним их свято,
Мы верим им твердо:
«Для друга и брата
Будь верным оплотом!»

Страна озаряет
Нас славой и светом,
Октябрь окрыляет
Нас духом бессмертным.

Великое знамя,
Прекрасная дружба,
Нетленное пламя:
И стих и оружье,

Далекие дали,
Высокие выси,
Навечно связали
Москву и Тбилиси.

Пусть на сердце радость
Растет год от года.
Да здравствуют братство
И дружба народов!

Перевел с грузинского
А. ГЛЕЗЕР.

Кубанычбек МАЛИКОВ

* * *

Мы детей
Лелеяли с пеленок,
Их носили в гору
На плечах.
Жить учили честно
И влюбленно.
И горел свет правды
В их очах.
Камни
Для строительства
таскали
И сажали
Новые сады.
Каждому листочку
Потакали,
Хоть подчас
И не было воды.
Уходили в степи
Новым рейсом,
Где ковыль,
И тот совсем зачах.
И носили
Кирпичи и рельсы
На своих
Натруженных плечах.
Рыли и арыки
И каналы,
Строили заводы, города.
Кажется, усталости
Не знали.
Кажется,
Не знала нас беда...
Посмотри вокруг,
Мой друг-ровесник.
Радости
Душа моя полна.
Словно это все
Возвел кудесник,
Так волшебна
Вся моя страна.
Жизнь сейчас
Вольготна и прекрасна.
Как прекрасен
Киргизстан родной!
Мы с тобою жили
Не напрасно —
Вложен в это
Труд
И твой и мой!

Перевел с киргизского
Н. ШУМАКОВ.

Емилиан БУКОВ

РАЗНЫЕ ЯЗЫКИ...

Кто сказал, что разные наречья
Разделяют нас? Неверно, нет!
Мы сильны одной могучей речью,
Нам один в веках сияет свет.

За одну великую надежду
Будем мы бороться до конца.
И у нас под разною одеждой
Бьются одинаково сердца.

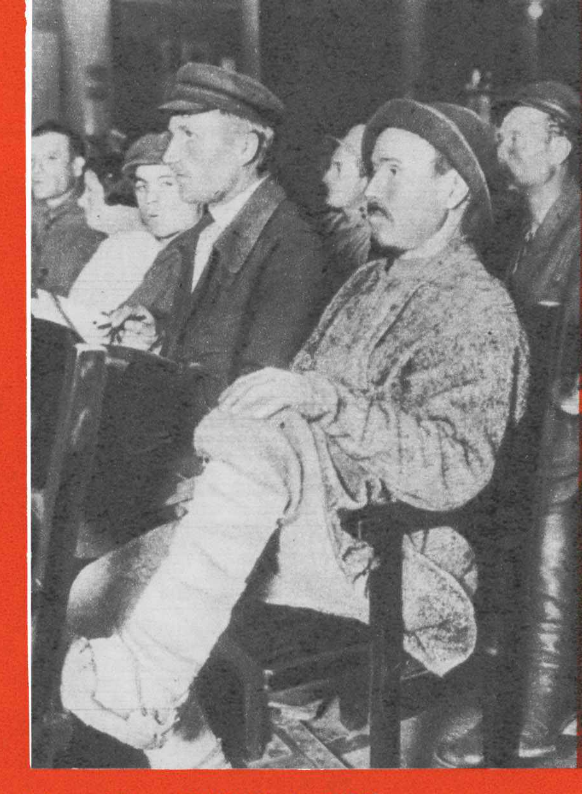
Где б ни расстилался путь поэта,
Дойны тут иль козачки звенят,
Я повсюду в стороне Советов
Принят, как единокровный брат.

В Киеве я или в Ашхабаде —
Все равно во мне всегда жива
Лучшая отрада и награда —
Наша лучезарная Москва.

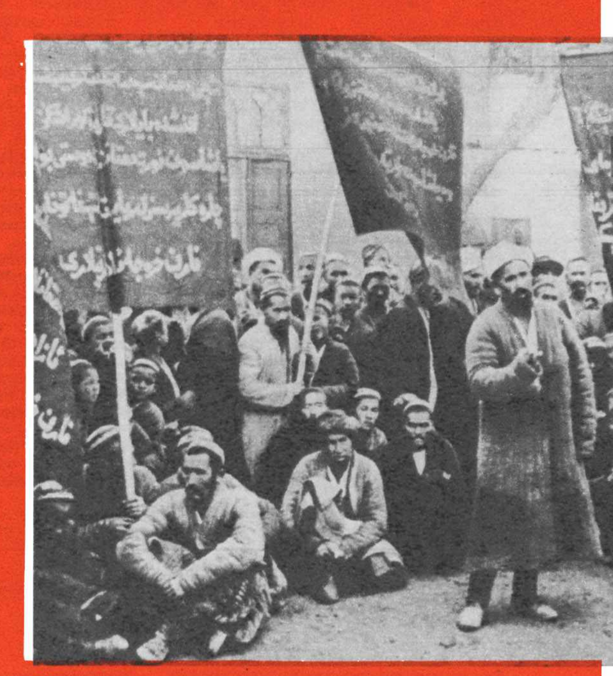
Дружным братьям враг любой не страшен,
Мы идем дорогою зари,
И, как солнце, над землею нашей
Вечно имя Ленина горит!

Перевел с молдавского
В. КРАСКО.

ИЗ ДНЕВНИКА ПОЛУВЕКА

Мы хотим учиться и знать...

И земля наша.

Семя — в нашу землю...

Встреча героев.

Наша Магнитка.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ БОРОЛИСЬ, СТРОИЛИ И СОЗИДАЛИ. МЫ, ЛЮДИ РАЗНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ, СОЗДАЛИ ЕДИНУЮ, ДРУЖНУЮ И РАВНОПРАВНУЮ СЕМЬЮ — СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.

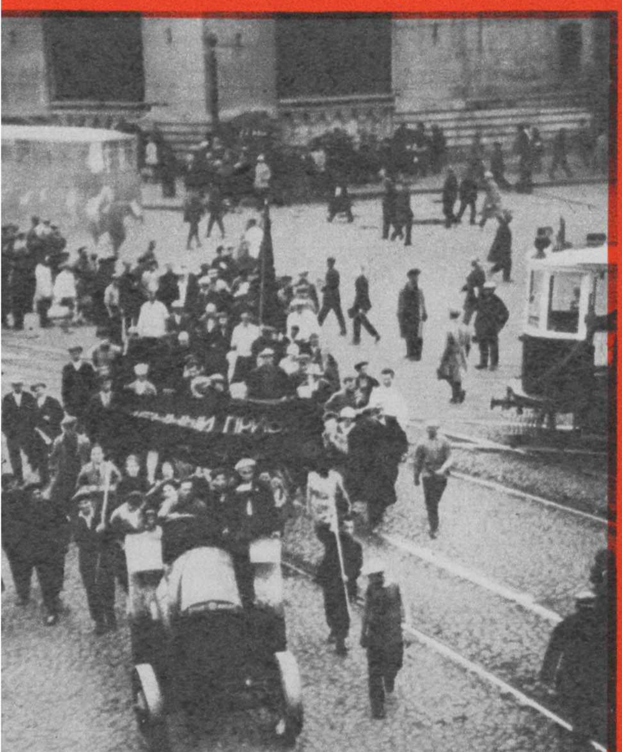
ОТ ПЕРВОГО ЛИКБЕЗА К УНИВЕРСИТЕТАМ, ОТ ДНЕПРОГЭСА К БРАТСКУ И ТОКТОГУЛУ, ОТ ЛАМПОЧКИ ИЛЬИЧА — К ОКЕАНУ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО СВЕТА, ОТ ПЕРВОГО ТРАКТОРА К ЦЕЛИННЫМ ПРОСТОРАМ КАЗАХСТАНА И ГОЛОДНОЙ СТЕПИ — ЭТО ВЕХИ БИОГРАФИИ НАШЕГО БРАТСТВА...

Лампочка Ильича.

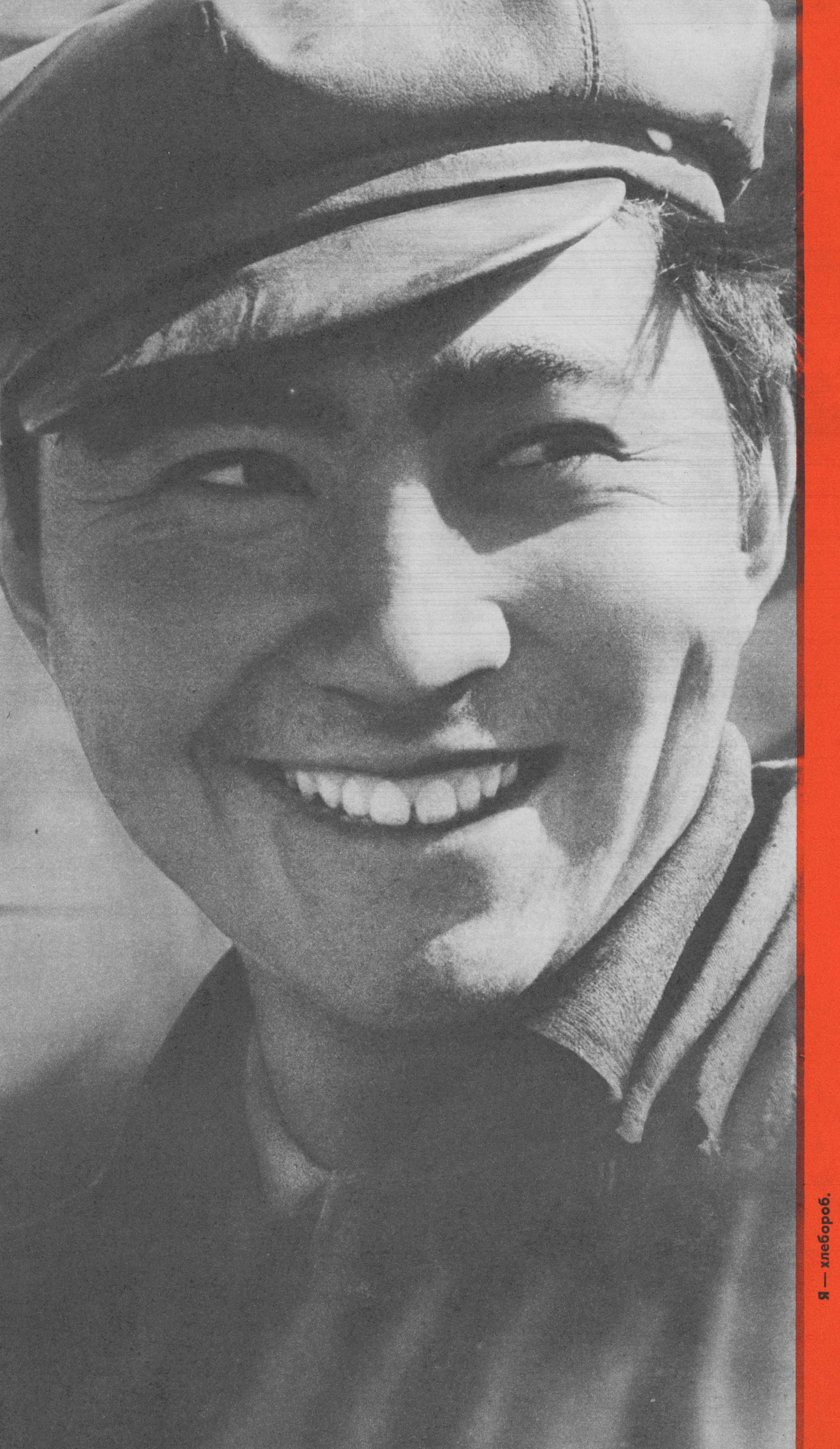

Вот он, первый советский.

Днепрогэс.

Я — хлебороб.

МИРМУХСИН

МИР МОЛОДЕЕТ

В космических просторах
неустанно
торопится по кругу
шар земной,
неся материки и океаны,
хребты и камни
на спине крутой.
Тот шар — жилище
племени людского,
которому конца и края нет.
И солнце —
жизни всей первооснова —
дарует щедро нам
тепло и свет.
А шар земной
несется точкой малой,
загадки нераскрытые
храня...
Такое время,
видимо, настало,
что молодеет он
день ото дня.
Наш каждый час сегодня —
век былого.
Глядит на солнце
алая страна —
источник мужества, какого
минувшие не знали
времена.
Пусть сгинет тьма,
сады растут в пустыне.
Дыхание живительной весны
пусть над землею
торжествует ныне.
Как щедр свет счастья —
свет моей страны!
Сияй лучами, Ленина
планета!
Луч-жизнь,
луч-счастье...
Он рожден весной,
всю жизнь служил
единой цели этой —
нести весну и счастье
в дом людской.
Залогом счастья
наше солнце светит.
А значит,
человечеству лететь
в космических просторах
на планете,
и силу набирать,
и молодеть!

Перевел с узбекского
Арк. КАНЫКИН.

•

Нива.

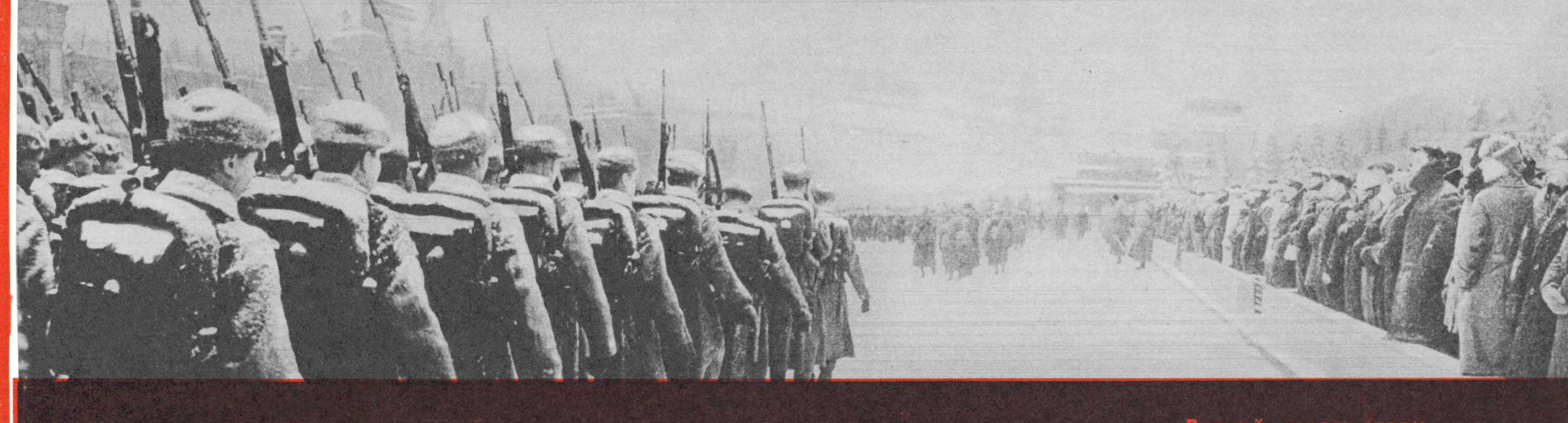
Вышки Баку.

•

На развороте вкладки:
В. СЕРОВ. С ЛЕНИНЫМ (фрагмент).

Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой».

Русский пейзаж.

Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой.

Хлеб.

Мы по Кремлю сверяем время.

Огни Сибири.

ИЗ ДНЕВНИКА ПОЛУВЕКА

Я — рабочий.

С Е М

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
член Президиума
Верховного Совета РСФСР,
главный редактор журнала «Москва»

Слово это древнее. Во всяком уж случае, оно родилось за много веков до того, когда люди смогли поставить рядом с ним другое слово, чтобы, объединившись, они обрели глубочайший смысл. Исторический акт, исполненный солнечного тепла и света, произошел в лютом по стуже декабре 1922 года. После пяти лет жесточайших испытаний, выдержав их с редким мужеством, достоинством и честью, революция наша сделала еще один, может быть, самый важный, самый решающий шаг для своего упрочения — она объединила множество разноплеменных и разноязыких народов и народностей в единое целое и нарекла этот невиданный доселе монолит коротко, но зримо и весомо: СЕМЬЯ НАРОДОВ. А имя этой семье — Союз Советских Социалистических Республик. На политической карте мира широко и гордо, свободно и прочно поселились четыре многозначащих буквы — СССР. Они разбежались с запада на восток по одной шестой части света, утвердившись там на веки вечные.

Новой, этой великой и вольной семье теперь исполнилось пятьдесят лет, а Октябрю, с коего все, собственно, и началось,— пятьдесят пять. Больше полстолетия! А ведь находились люди — и не так уж их было мало, и не такие уж они были все несмышленыши,— которые полагали, что Советская власть не успеет отметить первой своей годовщины — погибнет. Для многих буржуазных прорицателей погибель эта казалась столь очевидной, что они охотно назначали сроки, когда это произойдет. Сроки эти много раз переносились, но вера недругов наших в неизбежный крах Октябрьской революции долго еще сохранялась, потому что очевидными представлялись им и причины нежизнеспособности народной власти.

В смысле политическом, думали наши враги, пролетариат настолько незрелый, что никогда не сможет создать свои институты для управления таким гигантским государством. В смысле экономическом, рассуждали они далее, он, пролетариат, может лишь продемонстрировать полную беспомощность по двум причинам: во-первых, потому что получил от царизма нищенское наследство, к тому же приведенное двумя войнами почти в полную негодность; лишенный всякой помощи извне, он ничего не сможет создать на пустом почти что месте — это, во-вторых. В смысле военном, думалось врагам нашим, дела молодой Советской республики вовсе уж плохи: ни сколько-нибудь отмобилизованной регулярной армии, ни достаточного вооружения у нее нет, а гражданская война в разгаре, она началась тотчас же за революцией, на помощь белым к тому ж поспешили империалистические державы, в числе которых были и самые могущественные. Где уж тут устоять так некстати (с точки зрения, конечно, ее недругов, некстати) родившейся Советской власти?!

Но вот революция победила и политически, и экономически, победила она и на полях сражений. Тут бы и призадуматься прорицателям, тут бы и поразмыслить поглубже над совершившимся историческим фактом. Так нет же! Отыскались «мудрейшие из мудрых», которые, как им самим казалось, ухватились за самое главное, отыскали, установили, узрели рубежи, о которые споткнется наконец ненавистная для них Советская республика. Правду сказать, рубежи эти не только врагам, но и некоторым нашим искренним друзьям казались до известной поры непреодолимыми. Не верилось им, что Ленину и его партии удастся из великого множества «языков и наречий», из разноплеменных народов и народностей с разными верованиями и традициями, стоящих к тому же на разных ступенях общественно-исторического развития, сознательно натравливаемых царским самодержавием друг на друга, когда обоюдные недоверие, неприязнь и даже ненависть меж национальностями почитались как само собой разумеющиеся, в порядке, что ли, вещей, не верилось, что партии нашей удастся создать некий прочный организм, который мог бы устоять перед всеми превратностями нелегкой судьбы. Даже тогда, когда Советское многонациональное государство было создано и испытано на прочность в годы первых пятилеток, когда, находясь в полном окружении враждебных ему капиталистических стран, оно, начав едва ли не с нуля, воздвигло могучее здание собственной индустрии и передового коллективного сельского хозяйства, даже тогда наиболее свирепым и алчным врагам нашим из империалистического лагеря казалось, что здание это не более как карточный домик, что достаточно выдернуть из-под него одну-другую, ну, самое большее, третью карту, и все здание рухнет, рассыплется в прах.

Между прочим, это соображение было не последним у Гитлера, когда он готовил свои полчища для разбойного похода на Советский Союз. Ему казалось, что достаточно будет пересечь советскую границу и двинуться на восток, как народы и народности, населяющие бывшую «окраину Российской империи», восстанут против русских и облегчат, таким образом, Гитлеру задачу в осуществлении его людоедских планов. Гитлеровские стратеги не учли одного, дорого обошедшегося им впоследствии обстоятельства, не учли того, что в Советской стране восторжествовала, расцвела и дала прекраснейшие плоды ленинская национальная политика, в основу которой с самого начала как краеугольный камень было положено абсолютное и полное равноправие всех народов, всех наций, добровольно объединившихся в едином союзе. Любая семья для того, чтобы стать дружной и крепкой, должна неукоснительно соблюдать одно непреложное правило — равенство ее членов и глубокое уважение всех к одному и одного ко всем.

Когда я думаю обо всем этом, то вспоминаю почему-то одного удивительного человека, с которым прошел дорогами войны от Сталинграда до Праги. Удивительного вовсе не потому, что он отличался какими-то редкостными качествами, каковые выделяли бы его из общего ряда других людей. Для меня он удивителен тем, что был как бы живым и конкретным воплощением человека, рожденного нашей советской социалистической новью. Его зовут Ата Ниязов. Он туркмен. К началу величайшего сражения на Курской дуге он был в должности заместителя командира батальона по политчасти в одном из наших полков. Свой батальон Ата называл не иначе, как интернационал. Для этого у него были веские основания. В батальоне горячего этого туркмена были русские, украинцы, грузины, азербайджанцы, два латыша, один эстонец, таджики, казахи, армяне и, конечно же, туркмены — впрочем, мне труднее было бы назвать народность, которая не имела бы своего полпреда в ниязовском интернационале. Я пришел в блиндаж Аты в полдень 6 июля 1943 года, после того как батальон отбил очередную — шестую за один только этот еще не окончившийся день!— вражескую атаку. Подробно об этой встрече я рассказал позже в документальной повести «Дивизионка».

— Ой! Давай сюда. Будем чай пить, наш, туркменский... Товарищи бойцы, посторонитесь мало-мало!

Гвардии капитан Ата Ниязов, широкоплечий, коротконогий, с черными, горячо поблескивавшими глазами, с горбатым носом, под которыми пучок аккуратно подстриженных аспидной черни усов, сидел на дне землянки, сложив ноги по-восточному, кренделем, и держал в руке на уровне рта большую пиалу. У его ног стояло ведро, наполненное какой-то темно-зеленой жидкостью, источавшей терпкий, ароматный запах. Вдоль стен точно в таких же позах сидели туркмены, казахи, узбеки, украинцы, русские (когда только Ата этих двух последних научил сидеть так-то вот?!) и держали в руках большие жестяные кружки. Лица их лоснились и от пота и от широких улыбок, не успевших сойти после веселой беседы.

— Это мои ежедневные гости,— указал Ниязов на бойцов.— Пулеметчики, стрелки, связисты... Герои! Как они дрались вчера и сегодня! Как дрались!.. Слюшай, расскажу... Вон видишь... Это Иванченко!..— И Ата принялся рассказывать по очереди обо всех сидящих в блиндаже, и из его рассказов получалось, что тут были одни герои, вот только никак нельзя было из его слов уразуметь, какой же из них самый главный герой.

Наконец Ата скомандовал своим гостям:

— Ну, товарищи, теперь по местам! Пускай другие идут в мою чайхана. Весь батальон буду угощать!

Вскоре землянка наполнилась второй партией солдат, а за второй явилась третья.

Ата сидел на своем месте, как заправский чайханщик. Пот ручьями катился по его лицу, атласно блестела смуглая кожа, сверкали рафинадной белизны зубы, оттененные черной щеткой усов под вислым носом. Бойцы тоже были потные. От их молодых, здоровых, распаренных тел веяло бодрящим духом живой плоти. Они собирались тут и накануне позавчерашней ночи, когда перед немецкими солдатами, в полной боевой выкладке заполнившими окопы и тускло посвечивающими плоскими касками, их офицеры зачитывали приказ Адольфа Гитлера:

— Германская армия переходит к генеральному наступлению на Восточном фронте... Удар, который нанесут немецкие войска, должен быть решающим и послужит поворотным пунктом в ходе войны... Это последнее сражение за победу Германии...

Ь Я

А веселые солдаты из интернационала Аты Ниязова были спокойны. В их окопах и нишах было достаточно боеприпасов, а в сердцах — нечто такое, что, пожалуй, посильнее любого оружия...

Мы вышли победителями из самой страшной войны, которая явилась очередным жестоким испытанием не только для Октября 1917 года, но и для декабря года 1922-го, когда образовался прекрасный наш Союз Советских Социалистических Республик, именуемый ныне нередко двумя словами: СЕМЬЯ НАРОДОВ.

Во время одной зарубежной поездки, имея, очевидно, в виду, что я литератор, меня как-то спросили: «Что дает всесоюзный художественный опыт в вашей национальной культуре и вам лично?»

Теперь трудно воспроизвести слово в слово мой ответ, но мысль могла идти лишь в таком вот — и никаком другом — направлении.

Скорее всего, я для начала спросил сам себя: а что дает мне воздух, которым я дышу целых полстолетия? Ответ самый что ни на есть простой и самый что ни на есть короткий: он, этот воздух, дает мне жизнь. Всесоюзный художественный опыт и есть тот воздух, и есть та атмосфера, в которой живет и не может не жить, в которой развивается и мужает любая национальная культура, не исключая, разумеется, и той, к которой я принадлежу, то есть русской.

Воздух, дающий пищу нашим кровеносным сосудам, как известно, составлен из множества элементов. Они, эти элементы, образующие атмосферу, живут не так, как недобрые соседи, отторгнутые друг от друга непреодолимой изгородью, а органически сливаясь, взаимообогащаясь и взаимодействуя. Не то ли происходит и с нашими национальными культурами, каждая из которых входит как составная и нерасторжимая, неотторжимая — так будет точнее — частица всесоюзной советской культуры, всесоюзного художественного творчества? Вырви из этого общего ряда ее, оставь на какое-то время одинокой, и ты увидишь, как она потускнеет, как быстро слиняют ее краски, как постепенно начнет исчезать с ее некогда пышущего здоровьем лица румянец.

В подкрепление такого заключения всякий из нас, пишущих, мог бы сослаться и на свой литературный опыт, будь он велик или мал. Каждое наше произведение обычно населено людьми разных национальностей, что, собственно, диктуется природой нашего многонационального государства. В любой книге, в какой бы республике она ни появилась, вы непременно увидите и русских, и украинцев, и белорусов, и татар, и грузин, и литовцев — словом, герой любой национальности мог бы на законном основании объявиться на ее страницах. Но он придет туда со своим языком, со своими привычками, со своими национальными чертами и характером. Для изображения его внешнего облика и в особенности, конечно, внутреннего мира автор должен будет привлекать какие-то новые, свежие, необычные краски — разве язык произведения не делается от этого богаче, сочнее?! Этот многонациональный орнамент чувствуется очень сильно, да и не может не чувствоваться не только у писателей, но и художников, музыкантов, кинематографистов, скульпторов, архитекторов, потому что такова наша советская жизнь, такова наша, рожденная революцией и полстолетним жизненным опытом социалистическая действительность.

Совсем недавно мне прислали из Саратова небольшую газету с поэтическим названием «Заря молодежи». В ней рассказывается о сельском сходе на моей родине, в селе Монастырском. Многие мои земляки выступили на этом сходе. Приведу одну лишь выдержку из выступления секретаря парткома Александры Павловны Тверсковой, которую все там называют покамест еще Шурой, поскольку она еще очень молода. Вот что она сказала:

— Засуха в этом году уничтожила и наш урожай. Но чувствует ли кто-либо из вас недостаток в хлебе? И не замечаете ведь! И это потому, что труд каждого из нас становится достоянием всех, потому что хлеб к нам идет с Украины, Казахстана и других братских республик. Братство народов нашей страны, Советская власть навеки избавили нас от голода и других лишений.

Да, Шура, вы правы: никакая засуха не в силах погубить посевы великой революции, зерна, брошенные в сердца людские великим сеятелем Земли Владимиром Ильичем Лениным, дают и будут давать прекрасные всходы.

Великая семья советских народов живет, здравствует и будет здравствовать вечно, ибо скреплена сердечными узами, а крепче этих уз на свете не бывает!

Олекса НОВИЦКИЙ

ОКТЯБРЬСКИЙ ВЕТЕР

Откуда он, крылатый и могучий?
Где он рожден на зависть всем ветрам?
Куда он взмыл, развихривая тучи,
Миры какие открывает нам?
Я вижу своды Смольного, балтийцев
В ремнях скрипучих, в кожанках тугих...
Здесь все, что в днях грядущих
воплотится,
В их дерзновеньях и свершеньях их.
Уже рассвет над крышами зарделся,
Штыки холодным отблеском граня...
Вот подошел Ильич к красногвардейцам:
— Хочу погреться с вами у огня.—
Остановился. Протянул ладонь
К огню. Слегка прищурился от света:
— Товарищи, пускай горит огонь!
Смотрите, чтоб не гасло пламя это!..
И ты взлетел, не знающий препон,
С людских сердец мятежно-благородных,
Несломленных, высоких и свободных,
В которых ты, могучий, зарожден.
И ты, раздув огонь неугасимый,
Любовь и гнев в сердцах воспламеня,
Преодолел просторы и теснины,
Зажег сиянье нынешнего дня...
Летит Октябрьский ветер по планете!..
О, как стремится он вперед,
Как величав его полет,
Каким гудит вселенским шквалом,
Каким обрушился обвалом
На старый мир!..
Прибоем
океанским
бьет в причалы,
В пучину
ржавые штурвалы
Бросает он...
И, с наших берегов
Начав полет свой небывалый,
Он мчится вестником весны,
Посланцем ленинской страны,
Освобождая
землю
от оков.
Бессмертен Ленин.
Все его заветы
В делах людей, в глубоких думах их,
И в подвигах великих трудовых,
Которым нету равных на планете...
Как я люблю тебя,
Октябрьский ветер,—
Могучих крыльев не сломить твоих!
Как ты голубишь полновесный колос
На казахстанской тучной целине,
Как возвышаешь свой набатный голос,
До самых звезд бросая:
«Нет — войне!»
Как ты всегда напоминаешь мне
Мечты народной гордые порывы!
И леса шум, и легкий шорох нивы,
И грохот вод бурливых по весне!
Как я люблю тебя, Октябрьский ветер!
В тебе таится яростная сила,
Ты беспощаден был всегда к врагам,
И, наполняя свежестью ветрила,
Стремишься к Коммунизма берегам!..
Тот, кто дышал тобою в Приднепровье,
Кто был тобой душою вознесен,—
Всегда пребудет в счастье и здоровье
Под вечным светом ленинских знамен!
Тот будет жить всей полнотою жизни
В кипенье бурь, в порыве молодом,
И, осенясь бессмертием Отчизны,
Любить свой Днепр, Москву, свой отчий
дом,
Навеки ставший счастья очагом;
Увидит он, как ленинское слово
Повсюду стало явью во плоти,
Вдыхая свежесть ветра грозового,
Одной дорогой будет с ним идти...
Бессмертен Ленин.
Все его заветы
В делах людей, в глубоких думах их...
Как я люблю тебя,
Октябрьский ветер!
Нет ближе, нет родней тебя на свете...
Могучих крыльев не сломить твоих!

Авторизованный перевод с украинского
Леонида ВЫШЕСЛАВСКОГО.

ТАК ЖИВУТ В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

Ия МЕСХИ

СУП ШУРПА ПО-ТБИЛИССКИ

Заглянула я в подвешенный над костром громадный чугунный котел, а в нем, как отблеск уходящей яркой тбилисской осени, млеет рыжий от томата, жирный суп шурпа.

Ой, узбеки, узбеки... Даже со своей шурпой приехали!

Дело в том, что все остальное тоже свое, из Ташкента, — свои самосвалы, тягачи, бульдозеры, экскаваторы, башенные и прочие краны. И все это уже крутится, вертится, пылит по дорогам и вгрызается в землю. Только земля — тбилисская. Громадный квадрат земли, который станет кварталом. Новым городским кварталом. И будут жить в этом квартале тбилисцы — одни в московских корпусах, другие — в киевских, третьи — в бакинских и ереванских. Но большинство будет жить в ташкентских. Просто потому, что ташкентцы вызвались строить больше, чем другие, и приехали сюда раньше других. Выяснили, что нужны, и прикатили.

И вот сидим мы сейчас в строительном рабочем вагончике, ветер раскачивает его немилосердно. Человек с большими глазами и густыми узбекскими бровями (его зовут Абдунаби Абдуяминов, он заместитель начальника строительно-монтажного поезда, инженер с солидным стажем и отец восьмерых детей) чертит на клочке бумаги контуры Ташкента. Его Ташкента, который строил и до землетрясения и после. Кольцевая дорога, улица Горького, пересекающая весь город через центр. Строится она? Да, еще строится, четырехпутная улица шириной в 150 метров! Про нее спросил инженер из Тбилисского горисполкома Александр Робакидзе. Спросил потому, что пять лет тому назад в порядке помощи ташкентцам вел там дорожно-изыскательские работы.

Тем временем Абдунаби Абдуяминов уже чертит Чиланзарский массив, тот, который после трагического землетрясения начали сооружать строители из всех советских республик. И из Грузии тоже. Сейчас там 250 тысяч жителей.

— Джемал, — спрашивает Абдунаби у своего прораба, — ты в Чиланзаре живешь?

Да, оказывается, в Чиланзаре, 24-й квартал, дом № 38. Оказывается, фамилия Джемала Харазишвили. И был он тбилисцем, а стал ташкентцем. Рассказывает:

— Только закончил в Тбилиси строительный техникум, как случилась в Ташкенте беда. Поехал в Ташкент с другими своими земляками, строил там одиннадцать наших грузинских домов и как-то привык к городу, поступил в институт инженеров железнодорожного транспорта, на вечернее. Теперь уже кончаю его.

Вот так. И еще семь ташкентских грузин приехали из Узбекистана строить квартал в Тбилиси.

А Абдунаби все рисует свой город. Вот тут, мол, улица Шота Руставели, а тут — Богдана Хмельницкого. И на той улице стоит дом точно такой, какой ташкентцы возводят в Тбилиси. И не один, а четыре таких девятиэтажных дома с художественной керамикой в торцах.

— Володя! — внезапно обращается Абдунаби к здоровому русоголовому парню.— Ты к нам в Ташкент с ленинградцами приехал? Так? Ну вот, пожалуйста, наш бригадир Владимир Коваль. Работал когда-то совсем рядом с тбилисцами, рядом с Джемалом. Потом мы его в помощь Махачкале направили вместе с бригадой. Сейчас будет строить с Джемалом тбилисский квартал.

Задаю Володе стандартный вопрос:

— Откуда родом?

Смеется:

— Из Советского Союза!

Правда, беспокойная эта жизнь, строителя, многое в такой жизни увидишь, поймешь, много хороших чувств испытаешь. Даже вот так, в обеденный перерыв, у котла с горячей шурпой, когда рядом плечи товарищей, разных, но близких...

— Нас хорошо встретили в Тбилиси,— говорит Абдунаби.— И дом, где мы все живем, стоит на берегу «моря». Красиво вокруг. Постараемся строить хорошо и быстро. Рядом уже разворачиваются москвичи, а с другой стороны соседями станут армянские строители. Будем соревноваться!

...А началось с того, что этим летом разразился над Тбилиси страшнейший ливень. Ровно час как из ведра хлестал он по окружающим город горам, неслись по склонам потоки воды вместе с песком, илом, деревьями и камнями. Наделал много бед. Пришлось тбилисцам восстанавливать улицы, налаживать нарушенные связи. А те, кто остался без крова и приютился где-то временно, — им же надо дать жилье? Городу не справиться с этим быстро. На помощь пришли другие города.

В Тбилиси сооружается квартал Дружбы. Это и дома, конечно, в которых через год-полтора зажгутся огни. Это и еще нечто более значительное, которое называется памятью сердца.

Они приехали в Тбилиси из Ташкента строить квартал Дружбы. Фото Семена Киладзе.

Бригадиры Константин Тодорюк, Никифор Васильев, Михай Корня и председатель колхоза «Путь к коммунизму» Георгий Паламарюк. ▶

Фото Б. Градова.

С. КАЛИНИЧЕВ

КОГД

Необычность этого колхозного собрания присутствующие на нем даже не замечали. Секретарь торопливо вела протокол, председатель время от времени стучал стеклянной пробкой по графину, требуя тишины,— зал бурно реагировал на выступление очередного оратора. Голосовали, спорили, председатель колхоза отвечал на вопросы из зала.

Но человек посторонний тут оказался бы в большом затруднении: собрание шло... на трех языках. Колхозники из первой бригады, выходя на трибуну, говорили по-украински, из второй — по-молдавски, а из третьей — по-русски. Переводчика в зале не было за ненадобностью. Каждый понимал, о чем идет речь. А председатель колхоза Георгий Степанович Паламарюк в ходе выступления несколько раз переходил с одного языка на другой, в зависимости от того, на чей вопрос отвечал.

Дела обсуждались будничные: каким семьям в первую очередь строить дома силами колхоза, как обеспечить уход за свекловичным полем во второй бригаде, в каком из трех сел строить новый коровник. Ничего особенного не было в том, что коровник в украинском селе поручили строить звену молдаван Раду Степановича Патраша, а другое молдавское звено строителей, Ивана Тодоровича Лазореску, взялось возводить клуб в русском селе.

...Более двухсот лет стоят рядом эти три села: украинское — Старый Волчинец, молдавское — Багриновка и русское — Белая

крытая полой теплой куртки, торчит потертая папка для чертежей и документов. Механически теребя тесемки на этой папке, Исопеску улыбается и подробно рассказывает о материалах, ценах, новых объектах...

— А в жизни, в быту, — спрашиваю я, — в горе и радости как дружат соседи? Национальные, языковые барьеры... Не мешают?

— Барьеры — уже прошлое. Это когда-то было. Нынешнее поколение и не помнит о них. Я молдаванин, с вами говорю по-русски, а сейчас подъедем к звену Остафийчука — буду говорить с ним по-украински. — Иван Михайлович вдруг улыбнулся и поспешно добавил: — Конечно, если он первым обратится ко мне, то может начать говорить на молдавском. Какие уж тут барьеры! Тракторист Константин Патраш, молдаванин, в аварию попал. Чтобы его спасти, много крови надо было перелить. Так тут сразу столько добровольцев нашлось. И первым молдаванину дал свою кровь украинец Георгий Топало.

Иван Михайлович на минутку задумался и вдруг оживленно вскинул глаза:

— Вот еще: Яким Софронович Павлов русский, а жена у него

А ЛЕГКО ДЫШИТСЯ

Криница. Многие поколения их обитателей ходили по одним дорогам, делили сенокосы, жили рядом. И, как говорят, рядом, но не вместе. Русские старообрядцы, липоване, как они называют себя, не заимствовали у соседей ни одного слова, ни одной мелочи быта. Так же обособленно, держась за свои порядки и обычаи, жили молдаване и украинцы. И только после 1940 года, когда на эту землю пришла Советская власть, понемногу начали размываться грани национальной обособленности.

Но об этом позже. Звено Патраша взялось за работу. В колхозе таких звеньев шесть. Все, начиная от хозяйственных объектов и кончая домами для колхозников, строят сами. Между звеньями доброе соперничество. На планерках Йосип Жижий или Георгий Остафийчук ревниво следят за успехами Захария Петрова или Ивана Лазореску. Но год нынешний для всех был довольно трудным: то морозы, то сушь, а с июля по октябрь дожди замучили. И председатель колхоза скрепя сердце то и дело отвлекал строителей, чтобы помогли сохранить посевы, убрать урожай, а то и спасти уже убранное. Сильно досталось звену Раду Патраша: то послали скирдовать солому, убирать сено, а то вручную косить полеглые хлеба, особенно по балкам вдоль границы с Румынией, куда впритык подходят поля русской бригады из Белой Криницы.

Кончался сентябрь. Понемногу стало спадать напряжение трудного нынешнего года. В колхозе «Путь к коммунизму», который объединяет земледельцев трех этих сел, стали вырисовываться некоторые итоги работы. И оказалось, что озимой пшеницы собрано в среднем по 28,9 центнера с каждого гектара. План сдачи молока государству выполняется с опережением. В животноводстве самые высокие за всю историю трех сел показатели. Значительно возросло поголовье коров...

Но один из коровников остался недостроенным. И на помощь багриновскому звену Раду Патраша пришли звенья из Волчинца — Йосипа Жижия и Георгия Остафийчука, из Белой Криницы — Захария Петрова.

Бригадир колхозных строителей Иван Михайлович Исопеску накануне Октябрьских праздников показывал мне новостройки колхоза: двухэтажные ясли, здание сельсовета, газобаллонный склад в Волчинце (почти в каждом доме — газовая плита), клуб в Белой Кринице, дом животноводов в Багриновке, мастерские, гаражи и фермы. И, конечно же, двухрядный кирпичный коровник, выстроенный общими силами практически за месяц. В нем уже стоят ухоженные буренки.

Иван Михайлович — средних лет, худощавый, но крепкой кости человек. Из-за пазухи, приукраинка, Домника Ивановна. Таких смешанных браков сейчас много. Обычное явление. Вырастили Павловы троих детей. Старший, Степан, уже и в армии отслужил, на работу пошел, женился. И только когда стал своим домом жить, рассказали ему родители, что он молдаванин. Еще во время войны подобрали они его, сироту, трехлетним хлопчиком... В колхозе мы к такому уже привыкли, не замечаем... Потому что хорошая дружба — она как воздух: просто легко дышится...

Глыбокский район,
Черновицкой области.

Леонид ЛАПЦУЙ

НЕФТЯНАЯ РЕКА

Вся тундра морозом объята,
она — как огромный ледник.
И серые тучи куда-то
ползут и ползут каждый миг..
Она до весны будет сонной,
на вид нелюдимой и злой.
Лишь изредка зимнее солнце
ей дарит свой луч золотой...
Однажды, в морозное утро,—
я это запомню навек —
струя нефтяная над тундрой
рванулась из скважины вверх..
Был путь до открытия труден.

Но верили: нефть под землей.
И руки подставили люди
сегодня под вихрь нефтяной.
Как зайчики, прыгали блики —
морозного солнца привет.
Мы праздник встречали великий —
нефть вырвалась нынче на свет.
Теперь без предела, без края,
по трубам из самой глуби
несется река нефтяная —
сестра величавой Оби...

Перевел с ненецкого
Владимир ШЛЕНСКИЙ.

ЕГО ИМЕНЕМ...

Так живут в семье единой

А. ЩЕРБАКОВ

...Гостей ждали. У границы совхоза на дороге стояли с хлебом-солью. Рабочие, директор, председатель сельсовета, бывшие партизаны, школьники... Вышли тотчас, как только из района сообщили, что едут друзья из Карачаево-Черкессии, с родины Османа Касаева.

Его, Османа, тут знают все — и кому за семьдесят, и кому девятнадцать, и кому восемь. Просто не могут не знать. Деревня Сермяженка носит его имя, школа в ней — тоже. Памятник Герою Советского Союза Осману Мусаевичу Касаеву на совхозной земле. А главное — рассказы о нем. Чуть вспомнят войну — тут же имя Османа. И кто-то против воли уронит слезу, когда заговорят о последнем его бое...

Ну, а когда приезжают гости с Кавказа, тут воспоминаниям нет конца. Приезжают же обычно каждый год. Вот и сейчас, в предпраздничные дни, Карачаево-Черкессия снова прислала в Белоруссию полпредов дружбы. Приехали брат Османа, директор совхоза имени Касаева, кандидат сельскохозяйственных наук Сагит Касаев, звеньевая из совхоза «Черкесский», депутат Верховного Совета РСФСР Марьят Черкесова и секретарь Карачаево-Черкесского обкома комсомола Иван Батраков. Всем селом Хурзук — тут родился Осман — провожали их в Белоруссию, напутствовали: «Передавайте там, что горцы всегда высоко ценили и ценят дружбу с белорусским народом. Скрепленная кровью сынов наших, эта дружба так же вечна, как леса Белоруссии, и так же крепка, как Кавказские горы. Передавайте, что дружба эта помогала, помогает и поможет нам делать великое дело, во имя которого создан наш Союз ССР».

...Горцев встречали, как родных братьев. И, конечно, сразу же поехали к памятнику Осману Касаеву. И долго стояли там на осеннем ветру, обнажив и склонив головы. И снова воспоминания. Бывшая партизанка касаевского полка Фекла Михайловна Наумович ничего и никого не забыла. Навечно сохранены те события в памяти этой женщины.

В сельской школе гостям показали уголок Османа Касаева. Все тут о нем, о его родных местах, о его подвигах. Притихли ребята. Молча слушают Сагита Касаева. Им надобно знать все о детстве и юности Османа. Им очень дороги вот эти подарки комсомольцев Карачаево-Черкесской области, привезенные гостями. Перед школой они фотографировались на память, обменивались адресами, уславливались о новых встречах, о переписке...

А потом их повезли на ту землю, где в 1941-м...

...Еще вчера где-то там, на востоке, гремела канонада. Стреляли далеко и сюда, в лес, артиллерийский гул, процеженный сквозь многокилометровую лесную чащу, доходил слабым, глухим. Но доходил. А сегодня целый день его не слышно вовсе. Видимо, фронт отодвинулся еще дальше. А как же они, кадровые бойцы? Не оставаться же им вне войны!

Осман шел по поляне, вслушивался — пусть бы хоть один выстрел донесся оттуда, хоть один сигнал надежды!.. Тишина...

Вспоминались последние недели. Отпуск, поездка домой в родное селение Хурзук. Женитьба. Возвращение в гарнизон. И через несколько дней боевая тревога! Война!

Дивизия, где начальником артиллерии полка служил лейтенант Касаев, вышла навстречу танковой армаде Гудериана. Пушки сделали все, чтобы остановить бронированный вал, но враг в ту пору был сильнее. Дивизию окружили, и тем из ее бойцов, кто уцелел, предстояло определить свое дальнейшее место на войне.

Лейтенант Осман Касаев.

Касаев с товарищами отправился вслед отодвигавшейся на восток линии фронта. Идти оказалось не просто. На дорогах немецкие войска, в деревни заходить опасно, а лесами, топким, болотным бездорожьем в ночную пору далеко не уйдешь. И все же шли. Шли и все время верили, что вот-вот... А сегодня не услышали ни одного выстрела.

Небольшая землянка стала домом. Тут и штаб, и казарма, и склад оружия. Прошел день, другой, а тревожная мысль не давала покоя: надо искать пополнение пока еще очень маленькой их группы. Куда идти? Ориентирами служили, естественно, ближние к лесу деревни.

...Дорогу присмотрели днем, а ночью шли почти на ощупь. Их было двое: Осман Касаев и Михаил Абрамов. Добрались. Постучались в хату. Никто не отозвался. Стукнули еще раз. Дверь в сенцы нерешительно отворилась, послышалось затаенное дыхание, потом негромкий женский голос: «Кто?» «Свои... Немцы есть?» «Нету...» «Тогда отворите...» Заминка и нерешительное движение щеколды: «Заходите, коль свои...»

Фекла Михайловна Наумович накормила лесных гостей, дала еды с собой, пообещала свести с верными людьми. С ее помощью и удалось установить связь с окружающими деревнями. Стали получать продукты, сведения о том, что делается окрест. В лес потянулись люди — и местные и те, что вышли из окружения, будущие разведчики, пулеметчики, подрывники. Брали не всех. Командир Абрамов, комиссар Касаев проверяли. За зиму отряд окреп и уже попробовал силы в операциях по разгрому близлежащих вражеских гарнизонов.

...В начале лета вокруг Могилева и в самом городе пошли разговоры: «Наши десант сбросили! С машинами, артиллерией... Громят фашистов, не сегодня-завтра отобьют Могилев...» На самом деле никакого десанта под Могилевом никто не сбрасывал. А насчет машин и пушечной стрельбы, штурма занятых гитлеровцами деревень люди говорили сущую правду. Автомашины и пушки — это трофеи партизанского отряда. Разгром нескольких фашистских гарнизонов и создал ему славу кадрового боевого подразделения Советской Армии.

...В июле 1942 года потеряли в бою Михаила Абрамова. Командиром отряда стал Осман Касаев, комиссаром — Иван Мартынович Иванов, партийный работник из Могилева. Зона действий партизан все расширялась, и все тревожнее чувствовали себя захватчики на белорусской земле.

Вот уже почти год партизаны живут в деревнях, отбитых у врага. Таких в Могилевском и Белыничском районах теперь десятки. Отряд Касаева стал полком, 121-м Краснопартизанским полком. В полку — батальоны, роты. В лесах — базы, полевой госпиталь. Полк восстановил Советскую власть на обширной территории, закрепившись возле большого города. И боевая инициатива в руках бойцов Османа Касаева.

...Сорок четвертый год начался для полка особенно удачно. Умело разработанная, искусно подготовленная и блестяще выполненная в конце января операция завершилась разгромом последнего в зоне действия полка немецкого гарнизона. Полтора часа шел бой за Голынец. Три батальона с трех сторон в темноте подтянулись к деревне. Касаев не сомневался, что гитлеровцы, едва услышат перестрелку, бросят сюда подкрепление из Могилева — расстояние-то всего три километра. И Осман послал к Тишовке роту, чтоб перекрыла у железнодорожного переезда дорогу из Могилева.

Партизаны ворвались в Голынец, с ходу заняли ключевые позиции — перекрестки улиц, рубежи, с которых простреливались дороги. А в это время из Могилева на выручку гарнизону спешили гитлеровская пехота на грузовиках, мотоциклисты. Касаев все это предвидел, и рота, что залегла у Тишовки, преградила немцам путь. Пока тут кипел бой, батальоны довершили дело в Голынце.

Взбешенные дерзостью партизан (шутка ли — перенесли войну чуть ли не на окраину Могилева!), гитлеровцы начали блокаду партизанской зоны, бросили сюда регулярные части, танки, артиллерию, авиацию. Тогда полк получил приказ: прорвать блокаду, выйти из Сипайловских лесов, оторваться от преследования и сосредоточиться за Березиной в Кличевской зоне. Полк выполнил этот приказ. Прорвав блокаду, он в походном строю двинулся к Березине. Но колонна не успела отдышаться после артиллерийского обстрела, как три немецких самолета внезапно выскочили из-за леса. Касаев схватил ручной пулемет и стеганул очередью по зашедшему в голову колонны фашисту. Тот огрызнулся пачкой мелких бомб, и одна из них разорвалась около Османа Касаева. Он выронил пулемет и упал.

Касаев умер от тяжелых ран. Его тело спрятали в лесу, а позже похоронили в Хрипелеве, там, где прежде стоял штаб полка. Гроб везли на лафете трофейной пушки, которую партизанский вожак, отлично знавший артиллерийское дело, восстановил когда-то. Партизаны, крестьяне провожали его в последний путь.

* * *

...Гости, земляки белорусского партизана Османа Касаева, долго слушали рассказ о его героической жизни. Слушали Феклу Михайловну Наумович, Ивана Мартыновича Иванова, бывшего секретаря Могилевского подпольного райкома партии Ивана Павловича Станкевича...

В Могилеве на могилу Османа Касаева — здесь теперь покоится его прах — положили венок и землю, что привезли с собой с Кавказа, и кусочки камня, который с древних времен, как пограничный столб, обозначал границу их земли. Пока ею не стала земля всего Советского Союза. Всего! Потому и дрался за свою землю в Белоруссии карачаевец Осман Касаев, а вместе с ним русский Глинкин, и казах Шараев, и узбек Каримов, украинцы Магидинко и Леоненко, грузин Тавадзе... Потому и живет, крепнет на ней дружба народов — великая и вечная!

Участники народного ансамбля Карачаевского Дома культуры исполняют песни гор.

Фото Л. Шерстенникова.

ДУОНГ ДИН ЖИ,
вьетнамский поэт

ПЯТНАДЦАТЬ СЕСТЕР

Как букет из прекрасных цветов —
Хоровод равноправных сестер.
Все пятнадцать
О мире поют!
Все пятнадцать
О дружбе поют!
Все пятнадцать
О счастье поют!
Луноход — на Луне!
Им с Земли
Управляют пятнадцать сестер.
А недавно еще
Паранджой
Закрывала узбечка лицо.

Позади
Годы трудной борьбы,
Стук колес легендарной тачанки!
Навсегда это слово «тачанка»
Свято сестрам,
Как слово «Аврора»!
Зданье светлое —
СССР —
Строят ныне пятнадцать сестер.
Равноправных пятнадцать сестер.

Перевел Мих. АКСЕНОВ.

Андрей ПАССАР

ОСТРОВ ШИКОТАН

На Востоке,
Где кончается суша,
Где край света —
И это не фраза,—
Он лежит,
Волны встречные руша,
Словно родинка у самого глаза.
И, как птицы весенним базаром,
Прибывают девчата —
Разодеты картинно.
И суда их
Гудками встречают недаром:
Значит, в срок
Началась здесь путина...
Вечерами кишит огоньками,
Словно праздничный город,
Море,
Голубыми идет косяками
Нынче сайра...
Все девушки в сборе.

У любой:
У блондинки, смуглянки —
Не рыбешки —
Цветы под руками...
Видишь,
В каждой консервной банке
Чудо —
Сайры цветут лепестками.

Я-то думал:
Нанайки только
Чудеса могут делать эти...
Шикотан убедил меня:
Сколько
Мастериц-то на белом свете!

Перевел с нанайского Олег ЗВЕРЕВ.

Солистка Государственного заслуженного ансамбля народного танца Туркменской ССР Гуля Курбанниязова.

Туркменский танец в исполнении самодеятельного ансамбля Ашхабадского сельскохозяйственного института.

Фото Д. Ухтомского.

ДЕЛЕГАТСКИЙ БИЛЕТ № 1341

Федор Дмитриевич КРЕТОВ, профессор, делегат I Всесоюзного съезда Советов

Многое забылось за минувшие пятьдесят лет, глуше стали голоса, из памяти ушли краски, живые детали. Но никогда мне не забыть главных событий декабря 1922 года! Представьте себе юношу в ладно пригнанной форме военного комиссара и начальника политотдела 19-й стрелковой дивизии (грудь перехвачена скрипучей портупеей, на груди — красные «разговоры»!). Юноше нет и двадцати трех лет, он порывист, он большевик, уже понюхал пороха гражданской войны, был делегатом IX съезда партии и X партконференции, на которой слышал В. И. Ленина и даже сфотографировался с ним... Это был я.

Да, мы были очень молоды, но доверяли нам дела исторические — иначе не скажешь.

В декабрьскую Москву 1922 года я приехал в составе делегации Тамбовской губернии на Десятый Всероссийский съезд Советов. Гостиниц как таковых не было — в «Национале» и в «Метрополе» были размещены первый и второй Дома Советов. Нас поселили в зале Московской консерватории. Когда распахнулась дверь, мы увидели сотни кроватей, застеленных свежим, ослепительно белым бельем! Это врезалось в память, несомненно, потому, что давно мы все не видели таких простынь, пододеяльников, наволочек... Многие из делегатов только что вернулись с фронтов гражданской войны, быт был не налажен, в стране еще не хватало мыла... Мне досталась кровать на сцене, под органом. Высокие серебряные трубы уходили высоко-высоко, я слышал ликующие марши победы пролетарской революции, трубные зовы в прекрасное завтра!..

Передо мною «Делегатский билет № 1341». Показываю его внуку. С такими билетами мы, делегаты Десятого Всероссийского съезда Советов, вошли 30 декабря в Большой театр, где собрался I Всесоюзный съезд Советов. В народе ощущался подъем, все понимали, что власть удержали, настала пора созидания, надо объединять силы всех республик. С этими чувствами занимали мы красные бархатные кресла в зале Большого театра. Точно не могу сказать, но, кажется, было тепло, и делегаты против обыкновения сняли шинели, пальто, полушубки — Москва отапливалась!

Ленина с нами не было. Но он был с нами! Как только появился за столом П. Г. Смидович, с мест раздались голоса: «Избрать Ленина почетным председателем Всесоюзного съезда Советов! Избрать!» И еще: «Направить приветственную телеграмму вождю мировой революции товарищу Ленину!» Все наши думы были тогда о Владимире Ильиче.

Новогодних елок в ту пору не устраивали, но мы, по существу, встречали самое настоящее Новогодие! Впервые зажглись четыре буквы: СССР. Прошло с того Новогодия пятьдесят лет. Много пережито и страной и теми, кто был у колыбели социалистического многонационального государства. Сегодня, в канун 1973 года, вновь и вновь думаешь о пути ленинской партии, партии советских коммунистов. В новом, 1973 году, партии исполняется семьдесят пять лет. Славная дата, ее нельзя забыть. Я вступил в ее ряды восемнадцатилетним и счастлив, что встречаю 75-летие нашей партии за рабочим столом, как преподаватель, среди слушателей Высшей партийной школы.

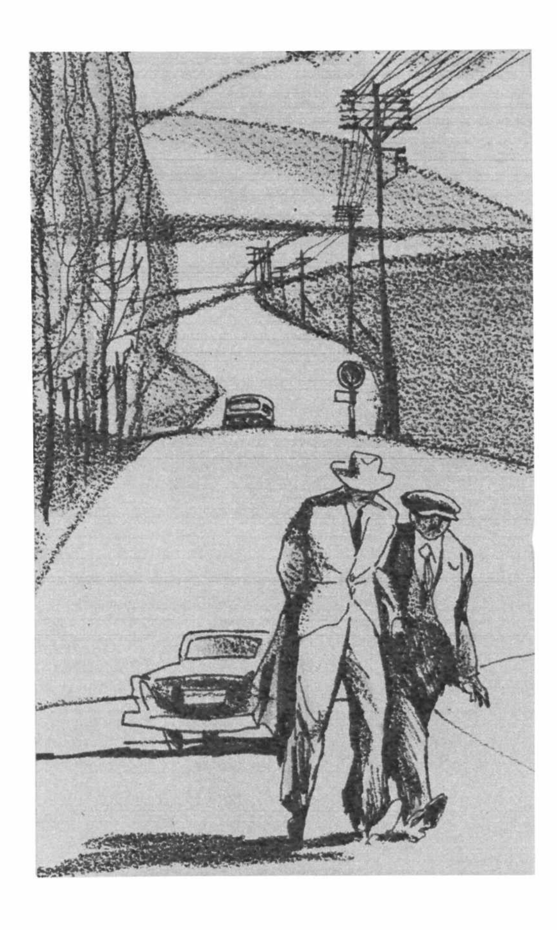
СССР отвечает

Из многих тысяч вопросов, которые задаются иностранцами, приехавшими в СССР, и советским людям, приехавшим за рубеж, в этой книге[1] отобрано всего-навсего триста шестнадцать — самых типичных, наиболее часто повторяющихся. На них дано — большим коллективом авторов — триста шестнадцать ответов. Каждый из них — сгусток информации, за скупыми строками которой встают гигантские свершения, каждый раздел этого публицистического вопросника во всеоружии фактов и цифр показывает одну из граней жизни первого в мире социалистического государства.

Издательство «Молодая гвардия» сделало отличный подарок к великому празднику — пятидесятилетию образования СССР.

[1] СССР отвечает. Издательство «Молодая гвардия», 1972 г.

ЧЕТЫРЕ ВОСКР

Гусейн
АББАСЗАДЕ

ПОВЕСТЬ

Рисунки
Е. ШУКАЕВА.

ВОСКРЕСЕНЬЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Обычно по воскресеньям, если я был с семьей не на даче, мы с женой и детьми ходили в кино или просто погулять на Приморский бульвар.

Но вот уже почти месяц, как я забросил дачу и прекратились наши воскресные прогулки. Правда, в прошлое воскресенье я вернулся домой рано, но разговор с матерью Ниджата так меня потряс, что не было сил идти гулять, хотя дочки тормошили меня и, кажется, даже обиделись. Остаток дня я пролежал на диване, настроение было смутное, скверное...

Сегодня утром жена спросила:

— Опять поедешь по этим своим делам?

— Да, — ответил я. — Джалал получил разрешение на свидание с Ниджатом.

Жена вздохнула:

— Мы совсем тебя не видим. И на даче столько работы...

— В следующее воскресенье поедем на дачу, Севда, — сказал я без особой уверенности. — Пойми, мне нужно непременно увидеться...

— Понимаю, понимаю...

Около десяти утра Джалал заехал за мной. Машина выехала за город и понеслась по шоссе. Спустя минут сорок мы подъехали к проходной будке исправительно-трудовой колонии. Часовой тщательно проверил наши документы и пропустил на территорию колонии, сказав:

— Подполковник Гейбатов ждет вас.

Мы вошли в просторный двор, окруженный высокими стенами. Возле тюремного корпуса с окнами, забранными решетками, группа заключенных занималась уборкой. Все они были одеты в одинаковые серые куртки и штаны.

У входа в административный корпус нас ожидал седоватый, коренастый подполковник, это и был начальник колонии Гейбатов. Приветливо поздоровавшись, он провел нас по длинному коридору к себе в кабинет.

Кабинет был самый обычный: письменный стол, рядом — приставной столик, накрытый вылинявшим красным сукном, стулья вдоль стен. На полках шкафа стояли книги, лежали стопки старых журналов. Пахло табаком.

— Прошу садиться, — сказал подполковник.

Он предложил сигареты. Я поблагодарил и сказал, что не курю. А они с Джалалом задымили.

— Итак, вас интересует заключенный Мурадзаде, — неторопливо заговорил начальник колонии. — Я разрешил свидание с ним еще и потому, что хочу попросить вас, товарищи, чтобы вы на него повлияли. — Он сделал паузу, как бы подчеркивая значительность своей просьбы. — Дело в том, что Мурадзаде плохо ведет себя. Он дважды был за это наказан.— Опять пауза.— Ему запрещены свидания и передачи. Вот почему, Джалал-муэллим, когда вы позвонили мне, я просил ничего с собой не приносить.

Джалал кивнул.

— Мы вам очень благодарны за разрешение повидаться с Мурадзаде, — сказал он несколько церемонно. — Само собой, мы не хотим, чтобы из-за нас нарушался порядок.

Ниджат и здесь, в тюрьме, плохо себя зарекомендовал?! Да что случилось с нашим другом? Как будто речь шла не о Ниджате, а о совсем другом человеке... Да неужели это тот самый Ниджат, с которым мы были так близки в армии, ничего друг от друга не таили и, как говорится, делили последний кусок? Несколько месяцев в школе связи и потом в авиаполку наши койки — моя и Ниджата — стояли рядом. Пожалуй, ни Сейран, ни Джалал не были так близки с Ниджатом, как я.

— Мы даром никого тут не кормим, — неторопливо текла речь начальника колонии. — Все заключенные работают. Приносят пользу государству. У нас тут мебельный цех. Столы делаем, стулья, шкафы.— Он помолчал, аккуратно гася окурок в пепельнице.— У нас есть хорошие мастера. Все они овладели профессией мебельщика здесь, в колонии. И, между прочим, им неплохо платят за работу. За хорошую, конечно, работу.

Он производил впечатление человека основательного, умеющего владеть собой. Да, подумал я, на такой работе требуются не просто крепкие, а железные нервы. А этот пожилой подполковник, как сказал мне по дороге Джалал, уже не один десяток лет работает с заключенными.

— Мурадзаде тоже работает в мебельном цеху? — спросил я.

— Не столько работает, сколько отлынивает.

— Странно, — пробормотал я. — Как-то непохоже на него...

— Жаль, что приходится давать плохую характеристику вашему бывшему фронтовому товарищу, но ничего утешительного сказать о нем не могу. За два с лишним десятка лет я, знаете ли, перевидал много заключенных. Были среди них великие хитрецы, и скандалисты, и опасные бандиты — всякие, в общем, попадались. Мурадзаде, конечно, не бандит и не хитрец. Но скажу откровенно: давно не видывал я таких упрямцев. Очень недисциплинирован. Как будто нарочно хочет сделать себе хуже. Многие заключенные побаиваются его. До меня доходят слухи, что он заставляет других работать на себя. Трудный, очень трудный характер. Вот почему я прошу использовать это свидание, чтобы как-то повлиять на него. Вы понимаете?

Джалал кивнул.

— Ну так. Сейчас вызову.— Начальник колонии нажал кнопку и велел вошедшему дежурному привести заключенного Мурадзаде.

Некоторое время мы все трое молчали. Не знаю, о чем думал Джалал. Лицо его сохраняло всегдашнюю невозмутимость. Я же был взволнован ужасно. И, наверно, на моем лице это отражалось: я заметил, как Джалал, взглянув на меня, слегка покачал головой.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал подполковник.

Вошел невысокий человек средних лет с наголо бритой головой. Был он худ, арестантская одежда висела на нем мешком, и глаза у него были потухшие, вроде бы неживые, а уголки губ горько опущены. Но все же я узнал его с первого взгляда, я узнал бы его и на улице и где угодно. Это был Ниджат. Наш фронтовой товарищ Ниджат. Тот самый, который столь бурно вскипал, бывало, если что-то казалось ему несправедливым. Тот самый, который так быстро, быстрее и лучше нас, схватывал то, чему нас обучали. Который так горячо говорил и мечтал о будущем...

Мы верили в его будущее. Верили, что он пойдет далеко и что мы будем им гордиться еще больше. Сейран, покойный Сейран говорил, бывало: «Эй, Ниджат, когда ты станешь большим человеком, не закрывай перед нами дверь, если мы постучим...»

Не обращая на нас внимания, Ниджат спросил, угрюмо глядя на начальника колонии:

— Вы меня вызывали, гражданин начальник?

— Да, Мурадзаде. Подойди ближе. Ты узнаешь этих людей?

Ниджат обвел нас равнодушным взглядом и покачал головой.

Я еле сдержался, чтобы не крикнуть: «Это мы, Ниджат! Твои друзья!» Вдруг он снова посмотрел на меня, взгляд его стал внимательным, и что-то словно бы дрогнуло в нем.

— Бедир? — прошептал он растерянно.

— Да... — Мне пришлось прокашляться. — Да, это я... А это Джалал.

Он вскинул глаза на Джалала. И как-то обмяк, брови поползли вверх, на хмуром лице появилось подобие жалкой улыбки... В следующий миг, однако, он снова замкнулся, и мне показалось, что он качнулся в сторону двери...

Подполковник поднялся и, сославшись на дела, вышел из кабинета.

Ниджат опустился на стул, сгорбившись и свесив руки между колен. Теперь он смотрел вниз, на крашеные доски пола.

— Вот где встретились, Ниджат, — тихо сказал Джалал, прикуривая от окурка новую сигарету.

Он не ответил. Между нами, словно пропасть, разверзлось молчание.

Мы знали и не знали друг друга. Мы были старыми товарищами и в то же время чужими людьми. Мы не знали, о чем говорить. Во всяком случае, я не знал.

— Ниджат, — снова заговорил Джалал. —

Окончание. См. «Огонек» №№ 49—51.

Мы знаем, что случилось с тобой. И решили тебя навестить. Как-никак мы товарищи по фронту.

— Были товарищами, — негромко сказал Ниджат, все глядя вниз. — Были... А теперь я заключенный... — Вдруг он резко поднял голову, посмотрел на нас. — Зачем вы пришли? У вас обоих положение в обществе. Джалал, как я вижу, депутат... Зачем же вы сюда пришли? Посмотреть на убийцу?..

Лицо его перекосилось, из горла вырвался короткий, сдавленный стон.

Я смотрел на него с состраданием.

— Ниджат, — сказал я, — ты совершил преступление, но... мы ведь знаем, что ты не мог убить намеренно...

— Намеренно или ненамеренно — все равно я убийца,— отрезал он.

— Ты отбудешь наказание и вернешься. Не все еще потеряно...

Он криво усмехнулся:

— Ты всегда был добренький...— Тон его несколько смягчился.— Нет, Бедир, все потеряно. Навсегда потеряно. Мне сорок восемь. Когда кончится срок, если доживу до этого, мне будет шестьдесят. К тому времени матери моей не будет в живых, она старая и больная... А мои дети вырастут и позабудут обо мне. Теперь сами скажите: может ли такой отец, как я, вернуться к детям? Что ожидает меня в жизни, если я выйду из тюрьмы?

— Послушай, Ниджат, ведь бывает, что освобождают досрочно. Если ты будешь здесь хорошо себя вести, хорошо работать...

— Не утешай, Бедир. И не жди от меня каких-то там поступков, добрых дел... Поздно, поздно. Я живой труп... Мне нужно было умереть три года назад. Умереть дома, в своей постели. Меня оплакали бы и понемногу забыли бы о горе. И моя мать и дети не знали бы позора. Вот что страшнее всего — позор...

Не знаю, может, не следовало рассказывать Ниджату о смерти Сейрана. Но я рассказал. И о письме Паши Чепурина тоже.

Похоже, он был потрясен. Он попросил закурить. Выхватил из пачки, протянутой Джалалом, сигарету, с жадностью затянулся.

— Мне, мне нужно было умереть, а не Сейрану,— сказал он с горечью.— Мне, черт меня побери...

— Вот что, Ниджат,— заговорил после недолгой паузы Джалал,— мы говорили о тебе с начальником колонии. Он тобой недоволен. Ты плохо себя ведешь. Почему? Понимаю твое состояние, но почему ты не делаешь того, что требуется здесь? Что с тобой сталось, Ниджат? Вспомни, как мы когда-то на фронте мечтали о будущем, о мирных днях. Мечтали вернуться в Баку, снова увидеть Каспий... Ты говорил, что, если вернешься с войны, станешь конструктором машин... Не могу понять, что за перемена произошла в тебе?

— Да, тебе не понять, Джалал... Тебе не понять... Ты человек благополучный. Ты сроду не знал нужды. Отец был рядом с тобой, в доме был достаток, ты мог спокойно учиться, не зная забот. Ты всегда жил хорошо... А мне жилось трудно. Я в детстве потерял отца. Недоучился в школе, пошел работать, еле сводил концы с концами... Да, я мечтал стать конструктором. Не получилось... Надо было зарабатывать на жизнь, и я техникум окончил без отрыва от производства...

— Не очень убедительно, Ниджат,— вставил Джалал.— Допустим, я не знал забот, хотя это не совсем так. Но вот Бедир — и ему трудно жилось после демобилизации, и он учился в техникуме без отрыва...

— Бедир! Бедир — человек уравновешенный, не то что я... Когда у меня дела пошли хорошо, зарабатывать стал прилично, мне захотелось... захотелось отыграться за нужду и лишения моей юности. Пожить для себя... Ну, и пошло... Я считал себя вправе погулять как следует, никого и ничего я не боялся, мне было море по колено... Думал, теперь мне всегда будет хорошо, а на остальное наплевать... Эх, вам не понять... никогда не понять, как я теперь раскаиваюсь...

Мне было не по себе от его потухших глаз, от какой-то звериной тоски в его голосе.

— Легкая жизнь ослепила меня,— продолжал он.— И только когда пришла беда, я понял, как скверно жил... начал понимать что к чему... Но было уже поздно. Поздно... Кому теперь нужно мое раскаяние? Мои мучения, мои бессонные ночи...

— Все-таки, Ниджат, надо взять себя в руки,— сказал я.— Ты совершил тяжелое преступление. Но ты солдат, ты должен найти в себе силы отбыть наказание и вернуться... Вернуться в жизнь.

— Со стороны легко давать советы... Прости, Бедир, я знаю, что ты от доброго сердца... Но, поверь, мне даже не хочется выходить отсюда. Есть еда, есть работа, есть койка для сна. Мне, в сущности, не о чем заботиться, ломать себе голову. Я привык. Наказание законное, никого я ни в чем не виню, только самого себя... Вот только по детям очень тоскую... Мать, когда мне еще разрешали свидания, говорила, что младший плакал обо мне, спрашивал, почему я не прихожу...

Голос у него сорвался, он опустил голову.

Я видел, как раскаивается Ниджат, у меня не было никаких сомнений в его искренности. Но если так, то почему же он не старается хоть как-то искупить свою вину? Почему отлынивает от работы, восстановил против себя администрацию? Непонятно мне было это противоречие.

— Вот ты сам сказал, что тебе запретили свидания. Как же так, Ниджат? Почему ты нарушаешь режим? Не может ведь быть, чтобы ты не дорожил свиданиями.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Свидания, Бедир,— это все для меня. Хоть иногда увидеть мать и детей. О Сакине не говорю — я слишком перед ней виноват... Но видишь ли... Ты ведь знаешь, я не переношу обид. Не могу врать, не умею подхалимничать... Тут многие ведут себя куда хуже, чем я, но умеют это скрыть, им удается угодить начальству. А я не такой. Когда я вижу несправедливость, я не могу молчать, говорю, не думая о последствиях. А многим это не нравится. Мои слова раздувают... докладывают начальнику колонии. Вот у него и создалось дурное мнение обо мне... Хотите — верьте, хотите — нет, но я правду сказал. Дай закурить еще, Джалал.

— Возьми всю пачку,— сказал Джалал.— Мы верим тебе, но все-таки, Ниджат, ты должен сдерживать себя и... ну, не лезть на рожон. У меня еще будет разговор с начальником, а от тебя требуется лишь одно — не нарушать режим. Постарайся рассеясь дурное мнение о себе.

— Постараюсь...

Тут вернулся подполковник Гейбатов. Ниджат встал при его появлении, но подполковник сделал ему знак сесть и прошел за свой стол.

— Не помешаю вашей беседе?— спросил он Джалала.

— Нет.— Джалал посмотрел на часы.

Возвращение начальника колонии, по-видимому, означало, что свидание окончено.

— Послушай, Мурадзаде,— обратился начальник к Ниджату.— Ты пограмотнее многих в колонии. Имеешь опыт — как-никак руководил крупной автобазой. Ты бы мог, если бы хотел, очень нам помочь. Да и тебе бы зачлось.

— Больше того, что я делаю, я не могу.

— Можешь, Мурадзаде. Просто не хочешь. Это в твоих руках — доказать, что ты не таков, каким тебя здесь считают.

— Что мне доказывать, гражданин начальник? — сказал Ниджат, смотря потухшим взглядом в окно.— Не умею я казаться лучше, чем я есть... Насчет работы — я ведь не отказываюсь, работаю. Что мне еще осталось в жизни? Только работа... За ней хоть немного забываешься...

На столе подполковника зазвонил телефон. Он снял трубку, поздоровался с кем-то, некоторое время слушал. Потом выдвинул ящик стола, вынул папку, а из нее какую-то бумагу.

— Здесь этого нет,— сказал он.— Сейчас посмотрю, минуточку.

Он начал рыться в папке, перелистывая бумаги. Я взглянул на Джалала: не следовало мешать служебному разговору начальника колонии. Джалал поднялся, сказал негромко:

— Мы пойдем, товарищ Гейбатов. Большое вам спасибо за то, что разрешили свидание.

— Постойте,— ответил тот, прикрыв ладонью трубку.— Сейчас закончу разговор и провожу вас.

— Не надо, мы не хотим вам мешать. Всего хорошего.

— До свидания.— Он встал и пожал Джалалу и мне руки.

Вместе с Ниджатом мы вышли во двор. Здесь при свете солнца он показался мне особенно жалким, пришибленным в своей мешковатой серой одежде. Он прятал от нас глаза.

Трудное это было прощание...

— Спасибо, что пришли,— сказал Ниджат срывающимся от сдерживаемого волнения голосом.— Что вспомнили бывшего друга... Знаю, вы люди занятые, нет у вас времени ездить сюда. И поэтому... не надо больше... Я буду помнить... Еще раз спасибо...

Джалал спросил:

— Может, у тебя какая-нибудь просьба к нам? Может, прислать тебе сигареты, из еды что-нибудь?

Ниджат помотал головой:

— Нет, нет, ничего не надо. А просьба у меня одна: будете отвечать Паше Чепурину — не пишите, что я в тюрьме...— Он горестно вздохнул, глядя в сторону.— Напишите, что Ниджат погиб в автомобильной катастрофе.

Помолчали немного.

— Мы думаем пригласить Пашу в Баку,— сказал я.— Он, конечно, захочет побывать на могиле Сейрана. И, наверное, спросит...

Ниджат поспешно сказал, видя, что я замялся:

— Если спросит, где моя могила, то скажите, что я погиб в горах... что машина упала в пропасть, и поэтому нет у меня могилы... Да, вот так будет хорошо: упал в пропасть...

Мы двинулись было к проходной, но тут подошел один из заключенных, занимавшихся уборкой, молодой парень, совсем юнец, с красивым, смуглым лицом. Он зашептался с Ниджатом, тот отрицательно помотал головой, лицо его приняло жесткое выражение. Парень неуверенно шагнул к нам. В глазах его была такая мольба, что Джалал остановился, спросил:

— В чем дело?

— Пусть сам скажет,— проворчал Ниджат недовольно.

— Я вижу, вы большие люди, — искательным тоном заговорил парень.— Простите, что задерживаю... Я попал в беду, мне восемь лет дали, а я ни в чем не виноват...— И сбивчиво стал рассказывать свою историю: — Я только-только кончил среднюю школу, стал работать в совхозе счетоводом. Потом при ревизии у нас обнаружили недостачу в пятнадцать тысяч... Директор совхоза уговорил меня, чтобы я взял растрату на себя, а потом он меня выручит, так он обещал. А я только что женился, и вот... заявил следователю, что взял казенные деньги, чтобы свадьбу справить. И на суде признал себя виновным — все надеялся, что директор выручит меня, он же слово дал... А потом приговорили меня, дали срок восемь лет, и я здесь уже почти два года сижу... А я не виноват! Я и копейки не взял себе...

— Вы написали жалобу после суда?

— Написал, конечно, написал! В Верховный суд республики написал, просил пересмотреть дело. Только... директор заявил на пересмотре, что я клевещу на него, он и других из нашего совхоза подговорил... его в совхозе все боят-

ЕСЕНЬЯ

ся... Приговор оставили в силе... Я еще жалобу написал, но пока ответа нет. Очень прошу, помогите мне, я не виноват в растрате... Мустафаев Мамед моя фамилия... Ни за что сижу, по глупости своей.

— Посидишь восемь лет — поумнеешь,— резко сказал Ниджат.— А когда выйдешь отсюда, то не будешь больше доверять людям.

— Нет,— сказал я.— Людям надо верить. Только не надо покрывать преступления, честь свою надо беречь.

Парень потупился. Он чуть не плакал. Мне и жаль его было, и в то же время злость разбирала. Есть еще такие вот добренькие подхалимы, готовые в угоду старшему взять на себя вину, покрыть преступника,— ну и поделом им! Пусть для них и для других наказание послужит хорошим уроком...

Наверно, и Джалал думал так же. Глубоко затянувшись и с силой выпустив дым, он сказал сухо:

— Сочувствую вам, но ничем помочь не могу. Ждите ответа на вашу жалобу. Если вы действительно невиновны, то дело пересмотрят и вас оправдают.

Мы двинулись к проходной. Я видел, как парень побрел к группке других заключенных, которые издали наблюдали за нами. Что-то он им сказал, один из них рассмеялся, другой сочувственно покачал головой.

Оглянувшись в последний раз, я увидел Ниджата. Одинокий, он стоял посреди двора и смотрел на нас. Коротко, неуверенно он махнул мне рукой на прощание...

Шофер Джалала по своему обыкновению читал книгу. Он не заметил, как мы подошли к машине, и, только когда Джалал открыл дверцу, встрепенулся и включил зажигание. Джалал сел рядом с ним, я — на заднее сиденье. На книге, отложенной шофером, я прочел название, это были рассказы Андре Моруа, недавно вышедшие на азербайджанском.

Машина выехала на шоссе и помчалась к городу. Навстречу проносились другие автомобили, мелькали белые дома поселков, нефтяные вышки, заводские корпуса. Привычный пейзаж Апшерона...

— Как его фамилия?— спросил вдруг Джалал, обернувшись ко мне.

— Этого парня? Мустафаев Мамед,— сказал я.— Ты займешься его делом?

— Не знаю еще. Может, наведу справки.

Он замолчал, глядя прямо перед собой. Я тоже молчал. Ветер быстрой езды бил мне в лицо. Джалал снял шляпу. Я смотрел на его облысевшую, с венчиком седых волос голову, и вдруг мне вспомнилось, как Ниджат когда-то в шутку просил Джалала отдать излишек волос. Какие мы были тогда молодые! И нас было пятеро. А теперь вот мы двое...

Ну почему же двое?..

Мы с Джалалом написали Паше Чепурину большое письмо. Мы ничего от него не скрыли — ни смерти Сейрана, ни того, что случилось с Ниджатом. Это был как бы отчет за добрую четверть века.

Вскоре пришло ответное письмо. Не могу вам передать, с каким волнением я его читал, наверное, не меньшим, чем то, с которым оно было написано.

«...Что поделаешь, в нашем возрасте без потерь не бывает,— писал Паша.— Но все-таки хорошо, что мы снова нашли друг друга. Надо нам держаться вместе, ребята...»

Еще писал он, что хочет в июне взять отпуск и приехать с женой погостить недели две. И хотя до его приезда было еще далеко, мы с Джалалом принялись подробно обсуждать детали будущей встречи. Нам доставляло радость составлять маршруты поездок и меню торжественного обеда. Мы решили непременно повидаться с вдовой Сейрана и ее сыном Мурадом. И разыскать жену Ниджата — Сакину. Эти две осиротевшие семьи отныне будут находиться под нашей защитой...

У нас было ощущение, будто мы собрали кольца некогда разорвавшейся цепи и спаяли их вновь.

Прав, прав Паша Чепурин: надо нам держаться вместе.

Перевел с азербайджанского
Е. ВОЙСКУНСКИЙ.

В ЕДИНОМ РЕВОЛЮЦИОН

Выступление главы делегации КПСС члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС товарища М. А. Суслова на XX съезде Французской коммунистической партии.

Фото ТАСС.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

ШЕСТОЙ И

Вот и закончилась последняя лунная Одиссея. Три с половиной года назад нога человека впервые коснулась тверди Луны. С тех пор двенадцать смельчаков оставили на ней свои следы.

Дорого обошлись экспедиции «Аполлонов» Соединенным Штатам — в двадцать шесть миллиардов долларов. Потому-то и отказал конгресс программе «Аполлон» в дальнейших ассигнованиях. Отказал в самый интересный момент, когда, по существу, все еще только начиналось и вопросов к Луне с каждым новым полетом появлялось куда больше, чем ответов. Ну что ж, пока советским лунным автоматам, видимо, придется действовать в одиночку.

Но вернемся к экспедиции корабля «Аполлон-17». Профиль поверхности в окрестностях района прилунения был весьма неровным. Перед самой посадкой лунная кабина перевалила через горы трехкилометровой высоты и повисла над узкой долиной. Командир Юджин Сернан посадил лунную кабину в каких-нибудь двухстах метрах от расчетной точки и строго вертикально.

Надо сказать, что опыт предыдущих экспедиций сказывался не только в четком управлении системами и отдельными блоками «Аполлона» на разных этапах двенадцатидневной эпопеи. Кстати, уже после старта с Луны состыковать взлетную ступень с орбитальным блоком, в котором оставался Рональд Эванс, удалось лишь с третьей попытки. Но в целом даже в этой ситуации космонавты держались весьма спокойно.

Уверенность особенно бросалась в глаза при наблюдении за работой космонавтов на Луне. Вот в первом своем выходе Сернан и Шмитт смонтировали и подготовили к работе луноход, просверлили электробуром две глубокие скважины — в них погружены зонды прибора для измерения тепловых потоков из недр Луны. Тут же Сернан начинает сверлить третью скважину — для взятия керна (колонки грунта). Затем пытается извлечь керн. Никак не удается. Сернан встает на колени, весь изогнулся, напрягся, но тщетно. «Подплывает» Шмитт. Наваливается всем телом на ручки, падает, отталкивается в сторону, тут же встает, и снова вдвоем в наступление. Вытащили. Не слишком ловко, но уверенно.

Или эксперименты по передвижению «на своих двоих». Тут были и любимые их десятью предшественниками «прыжки кенгуру», и «лягушка», и прыжки с ноги на ногу, короткие и длинные. Вообще же чрезмерная активность космонавтов нередко оборачивалась и «прыжками на батуте», но в Центре управления в Хьюстоне смотрели на это сквозь пальцы: Сернан и Шмитт работали как надо.

Однажды Шмитт продемонстрировал прямо-таки горнолыжный спуск под уклон в сорок пять градусов. «Одна шестая часть тяготения — это настоящий подарок, если знать, как им пользоваться»,— бросил Сернан.

Радостное возбуждение, с которым работал Шмитт, можно понять. Наконец-то в лунную экспедицию включили геолога. В первый и пока в последний раз. «Если и существует рай для геолога, то я попал в этот рай!» — воскликнул Шмитт, сделав первые шаги по Луне. С земли ему посоветовали усилить расход хладоагента в системе охлаждения скафандра. И добавили: «Тебе придется это сделать, если ты не умеришь свой пыл».

Между прочим, будучи принятым в 1965 году в отряд космонавтов как ученый-геолог, Шмитт стал всерьез заниматься и метеорологией. И еще: за это время он налетал на реактивных самолетах ни много ни мало 1 300 часов. Вдумайтесь в эту цифру!

Так вот, о Шмитте-метеорологе. Еще при полете к Луне он все время находился у иллюминатора, смотрел на удалявшуюся Землю и непрерывно передавал сведения о холодном фронте в районе Антарктики, о движении тропических ураганов «Тереза» и «Салли», о формировании облачных скоплений. В начале второго периода отдыха космонавтов Шмитт продолжал комментировать наблюдаемые явления, хотя товарищи его уже легли спать.

Когда космонавты были на Луне и провели там первую ночь, то, проснувшись, Шмитт сразу же спросил, как дела у Эванса. На это ему ответили, что у Эванса «все о'кэй». И добавили: несмотря на то, что Шмитт как метеоролог очень здорово поработал, его все же пришлось заменить спутником «Нимбус-5», который был запущен, пока космонавты спали.

В первом выходе на поверхность Луны много времени ушло на «распаковывание чемоданов», и поездка на луноходе была непродолжительной — так и предусматривалось. Собранные при этом образцы Шмитт предварительно оценил как породы вулканического происхождения. Он продолжал говорить о возможном характере образования излившейся породы, но понять его могли лишь коллеги-геологи.

Самый большой подарок Луна приготовила для гостей на следующий день. Отбрасывало длинные тени Солнце, висел над горизонтом яркий лик Земли, хорошо видны были скопления облаков, контуры континентов. Потом установленная на луноходе телекамера снова охватывала оком лунную пустыню, и та опять медленно бежала под колеса.

НОМ СТРОЮ

С 13 по 17 декабря во Дворце спорта на острове Сен-Дени, в одном из старых промышленных центров парижского района, проходил XX съезд Французской коммунистической партии, в работе которого участвовало более 1 200 делегатов. Среди посланцев братских партий присутствовала делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым.

С докладом Центрального Комитета ФКП XX съезду выступил заместитель Генерального секретаря Французской коммунистической партии Жорж Марше. Делегаты съезда в своих выступлениях выражали горячую поддержку политике ФКП, направленной на дальнейшее развитие и укрепление единства демократических сил, создание народного союза, рассказывали о борьбе трудящихся за свои права.

С огромным вниманием было выслушано выступление главы делегации КПСС члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова. Глава делегации КПСС отметил, что вот уже более полувека наши партии идут в едином революционном строю, борются, каждая в своей стране и своими методами, за освобождение человечества от угнетения и несправедливостей, которые несет ему капитализм, за светлое будущее — социализм и коммунизм. Он также выразил уверенность в том, что дружба между обеими партиями, основанная на незыблемых принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, будет и впредь крепнуть и развиваться. Товарищ М. А. Суслов огласил приветствие ЦК КПСС XX съезду ФКП и передал в подарок скульптурный портрет В. И. Ленина — произведение известного советского скульптора Л. Е. Кербеля.

ПОСЛЕДНИЙ...

Встретился небольшой, но невероятно глубокий кратер. Остановились, сфотографировали, взяли образцы, тронулись дальше. И вот приблизились еще к одному кратеру. Большому, диаметром в несколько сотен метров. Потому и название у него уже было — Шорти. Вот здесь и произошло самое главное: Сернан вдруг обнаружил протяженную, едва ль не в полуокружность кратера, оранжевую полосу, тянувшуюся вдоль его кромки. Тут же сообщил об этом Шмитту. Радости не было предела. Радиоканал Земля — Луна снова был забит геологическими терминами.

В чем же все-таки дело? Считают, что породы оранжевого цвета образуются скорее всего под воздействием вулканических газов. На вулканическое происхождение указывала также овальная форма кратера (следы метеоритной бомбежки обычно круглые). Однако многие ученые считают, что на протяжении последних трех миллиардов лет Луна была мертвой. Оранжевый цвет пород усиливает позиции тех, у кого на этот счет противоположное мнение.

А может быть, есть и другие суждения? Во всяком случае, Сернан и Шмитт просят Хьюстон разрешить им задержаться у кратера. Этого же хотят и все геологи в Хьюстоне. Они даже нарисовали на листе картона дымящийся вулкан, окруженный восклицательными знаками, и показывают его по внутреннему телевидению Центра управления. Но нет! Возвращаться далеко, а кислорода осталось немного. Космонавты получают категорическое указание взять необходимые пробы, сделать снимки и немедленно садиться в луноход. Шмитт вздыхает: «Как жаль, что нам не дали времени доказать вулканический характер кратера Шорти».

В ночь на 14 декабря должен был начаться третий выход. Его программа предусматривала поездку к подножию гор под названием Северный массив. Однако геологи в Хьюстоне пошли в атаку: необходимо вновь направиться к Шорти. Но и на этот раз руководитель полета остался непреклонен. Ученым было сказано, что у Северного массива могут быть сделаны не менее интересные открытия.

И все-таки тринадцатое число на сей раз оказалось самым счастливым. Обследованный 14 декабря кратер Ван Сердж оказался всего лишь классическим кратером ударного происхождения...

...И вот взлетная ступень лунной кабины взмывает в черное небо. Телевизионная камера «провожает» ее, затем снова панорамирует лунную поверхность. Медленно рассеивается пыль, обнажая одинокую посадочную ступень. Снова пустынно на Луне. Надолго ли?

ООН: ВАЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

Николай ПАСТУХОВ

В современных международных отношениях наблюдается немало положительных перемен. Отмечая этот факт, зарубежные обозреватели все чаще и чаще пишут о том, что главной направляющей силой этих изменений является Советский Союз, его конструктивные мероприятия во имя разрядки напряженности, укрепления и расширения международного сотрудничества. И, конечно же, сегодня люди доброй воли прежде всего воздают должное величественной Программе мира, принятой XXIV съездом КПСС по предложению Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Эта Программа стала ныне неотъемлемой органической частью международных отношений, направляя их в русло реализма, здравого подхода к тем проблемам, которые волнуют человечество.

Примеров тому можно привести великое множество. Мне хотелось бы остановиться лишь на одном — некоторых итогах XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Они особенно показательны, если учесть, что Ассамблея ООН — это не общественный форум, а коллективный орган, состоящий из представителей правительств большинства стран нашей планеты.

Старшие поколения хорошо помнят, а младшие знают из книг, что ООН в течение долгих лет холодной войны являлась местом, где разыгрывались ожесточенные дипломатические баталии между группой государств, неизменно отстаивавших дело всеобщего мира, и так называемым механическим большинством, которое действовало по указке военно-промышленного комплекса США. Сегодня расстановка сил в Организации Объединенных Наций резко изменилась в пользу здравомыслящего большинства.

Недавно Генеральная Ассамблея ООН единодушно одобрила советское предложение «О неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия». Ассамблея рекомендовала Совету Безопасности незамедлительно принять соответствующие меры и решения, которые воплотили бы волю Организации Объединенных Наций в жизнь.

Генеральная Ассамблея также единодушно одобрила и другое советское предложение — о созыве Всемирной конференции по разоружению. Благоприятный климат для такой конференции создают соглашения, подписанные в Москве во время советско-американских переговоров на высшем уровне, и в частности соглашение об ограничении стратегических вооружений и начавшаяся в Женеве вторая фаза переговоров по этой проблеме.

И, наконец, по предложению группы неприсоединившихся стран Генеральная Ассамблея приняла резолюцию о положении на Ближнем Востоке. Она полностью подтверждает резолюцию Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, предусматривающую вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий. Ассамблея постановила передать принятую резолюцию Совету Безопасности для принятия надлежащих мер.

Но были ли на Ассамблее противники всех принятых ООН решений? Да, нашлись и такие. Это те страны, которые противятся стремительному бегу истории. В их конгломерат вошли представители маоистского Китая с их албанскими подручными, Португалии и расистского режима ЮАР. Пекинская делегация отказалась от участия в обсуждении важнейшего документа ООН — Декларации об укреплении международной безопасности, принятой XXV сессией Генеральной Ассамблеи ООН по инициативе СССР и других социалистических стран. Она покинула зал Ассамблеи перед голосованием, подтверждающим принципы и положения Декларации. В кругах ООН поведение маоистов вызвало возмущение. Были случаи, когда, например, во время голосования резолюции по Ближнему Востоку представители США оказывались в одной компании с маоистами. Факт, который сегодня уже не вызывает удивления. Так было в вопросе о Бангладеш и по ряду других международных проблем. Польская газета «Жолнеж вольности» отмечает, что китайская делегация в ООН очень быстро доказала нежелание Пекина участвовать в решении главных проблем современности на стороне мировых сил прогресса. Международная общественность лишний раз убеждается в том, что между ультрареволюционными фразами маоистов и их делами лежит дистанция огромного размера.

Во время обсуждения и голосования советских предложений о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия, о созыве Всемирной конференции по разоружению речи маоистских представителей в ООН встречали одобрение тех американских газет, которые полностью контролируются военно-промышленным комплексом США. Ведь не случайно сейчас союз Пентагона и крупнейших военно-промышленных монополий США выступает против политики разоружения и соглашений об ограничении стратегических вооружений.

XXVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН помогла народам разглядеть ту небольшую горстку стран, которые всячески тормозят начавшийся процесс оздоровления международных отношений. Вместе с тем весь ход работы Генеральной Ассамблеи свидетельствует о консолидации разумных сил на государственном уровне, сил, выступающих за всеобщий мир и международное сотрудничество.

Эти силы ныне составляют в ООН большинство. И в этом знамение нашего времени.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СССР ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ

Жан БРИЕР

ЧТОБЫ СКАЗАТЬ СПАСИБО

Немного цветов, стебелек к стебельку,
в каплях утренней или вечерней росы,
просто немного цветов —
и это уже букет,
неприхотливый букет,
говорящий «спасибо».

Несколько слов,
сказанных громко или вполголоса,
на рассвете или перед закатом,
устами ребенка или мужчины,—
и это уже мелодия песни
на нотных линейках,
музыкальный набросок
глухого тамтама сердца,
говорящий «спасибо».

Пусть эти цветы полевые
простыми самыми будут,
и эта улыбка лугов,
эти синие, белые, лиловые взгляды —
эта симфония красок
скажет «спасибо».

А слова эти будут
сильнее, чем наши тревоги,
древнее, чем наши предки,—
слова, что пылают, как угли под пеплом пожарищ,
и становятся криками
гнева и мщенья
в навязанном нам подполье,
слова, озаряющие изнутри
крутую дорогу долга,
ибо эти слова вписаны в наши сердца.
Десятки родных языков
благодаря любви человека к двумстам миллионам людей
помолодели,
превратились в ровесников Советской страны.

Вот почему в тот могучий хор,
что величаво звучит во всех концах и пределах
огромной державы,
освобожденной людьми и ради людей
от невежества и от страха,
мы вплетаем несколько нот,
несколько слов, простых и звучных,
на наших родных языках
Африки и Америки,
вплетаем слова гор и долин,
слова пастухов, рабочих, крестьян,
озаренные солнцем слова,
слова, чьи корни мятежны,
слова, которые славят землю людей
и говорят «спасибо»:
«Спасибо, Советский Союз,
за освобожденье
родных языков!»

Перевел с французского
Морис ВАКСМАХЕР.

Бриер родился в маленькой стране, что лежит на одном из Антильских островов. Долгих три века Гаити, где еще до Колумба жил мирный народ — индейцы-карибы, красноречиво называли «адом Санто-Доминго».

Именно здесь, на этой земле, люди с неистребимым призванием освободителей организовали восстание рабов, увенчавшееся успехом.

— Мое детство,— вспоминает Бриер,— счастливое и печальное, кончилось рано. Мне было всего шесть лет в 1915 году, когда страну оккупировали американцы.

Это событие выбросило из моего детства игрушки. Мрачная тень упала на мои детские мечты и на небо, в котором хлопал звездно-полосатый флаг.

В школе, где преподавание велось на французском — официальном языке Гаити, я узнал, что книги лгали: они утверждали, что нашими предками были галлы.

Я сочинил свои первые стихи в 13 лет. Отец разорвал их и запретил мне писать, а я все-таки продолжал тайно. В семнадцать лет я читал свои стихи толпе, собравшейся перед собором в Порт-о-Пренсе, я призывал не забывать крестьян Юга, расстрелянных оккупантами из пулеметов. И попал за это в первый раз в тюрьму. Тогда отец гордился мною...

Воспевать любовь, женщин, природу? Нет. Перо Бриера стало мечом, закаленным в горниле борьбы гаитянского народа. Американские оккупанты трижды арестовывали его во время забастовки студентов, которая распространилась по всей стране, превратившись в массовое движение протеста.

— По желанию отца я изучал право, моими первыми выступлениями в суде были речи в защиту политических заключенных. Три года я работал сельским учителем. Тогда я познал бедственное положение крестьян, у которых не было ни школ, ни больниц, хотя именно они создавали все блага.

В 1934 году я основал еженедельник «Битва», который запретили после моего ареста и осуждения на 15 месяцев тюрьмы. Моим товарищем по несчастью был Жак Румэн, крупнейший гаитянский писатель, марксист, активный участник движения за освобождение гаитянского народа. Он познакомил меня с произведениями Маркса, Ленина, Горького, и это оказало очень большое влияние на формирование моего мировоззрения.

Бриеру удалось бежать из тюрьмы палача Дювалье. Теперь он живет далеко от родины. Но не падает духом и не теряет мужества.

— Мое перо,— говорит Бриер,— всегда будет служить борьбе за справедливость.

ТРИУМ

НАРОДЫ МИРА И СССР

В Ташкенте проходила Международная научная конференция по изучению опыта социалистических преобразований в СССР и его международного значения. В ее работе принимали участие представители более пятидесяти государств Азии, Африки, Латинской Америки и Европы. Среди них крупные экономисты, социологи, философы, видные общественные и политические деятели.

Сердечный отклик у каждого участника конференции нашло теплое приветственное послание Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. С обстоятельным, глубоко аргументированным, изобилующим яркими примерами докладом «Ленинизм — знамя освобождения и прогресса народов» на конференции выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана товарищ Ш. Р. Рашидов.

Специальные корреспонденты «Огонька» Вячеслав Костыря, Николай Ключнев и Алишер Авазов взяли интервью у некоторых зарубежных участников конференции, представляющих Азию, Африку, Латинскую Америку. Вот их ответы на вопрос о роли исторического примера Советского Союза в борьбе за независимость, свободу и социальный прогресс их стран.

ИНДИЯ

Бир Бахадур СИНГХ —

член парламента, профессор, заведующий кафедрой экономики Лакнауского университета

«СОЦИАЛИЗМ — ЭТО ПРОЦВЕТАНИЕ СТРАНЫ»

— Социализм не импортируется, он неизбежно возникает и утверждается на своей на-

Ф ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ

циональной почве. В мире немало государств с отсталой экономикой и докапиталистическими формами хозяйствования. Их перспектива — в развитии государственного сектора и кооперировании, в тесном сотрудничестве с социалистическими странами.

Долгосрочные торговые соглашения между Индией и СССР дают мощный стимул для широкого развития индийской промышленности. С помощью Советского Союза сооружаются крупные индустриальные и сельскохозяйственные комплексы. Все это в значительной степени способствует не только экономическому, но и политическому прогрессу в моей стране. Передайте уважаемым читателям «Огонька», что в Индии число друзей страны Ленина неуклонно растет.

Незабываемое впечатление произвел на меня доклад Ш. Р. Рашидова, многие другие выступления о полувековом пути развития республик Советского Востока. Вот каких высот могут достичь народы отсталых стран, идя по некапиталистическому пути!

Конечно, в странах капитала достигнут немалый технический прогресс. Но простые люди, трудящиеся, что весьма существенно, скованы вековым бесправием. Это как раз то, что отличает их от граждан Советского Союза. Жизнерадостность, интернационализм и патриотизм — ощутимые черты человека нового мира. Социализм — это процветание страны.

КУБА

Мариано Родригес СОЛЬВЕЙРО —

вице-президент Академии наук Кубы

«ОДИН ЗА ВСЕХ И ВСЕ ЗА ОДНОГО!»

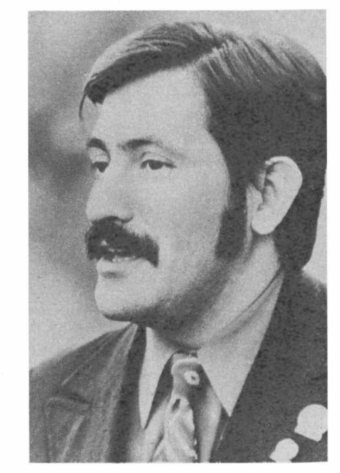
— На конференции обсуждались вопросы, имеющие огромное значение для всех народов Латинской Америки. В докладах и выступлениях даны научные обоснования процессов, которые происходят и на нашем континенте.

Куба первой прорвала империалистический фронт в Латинской Америке и успешно строит социалистическое общество. И как тут не поблагодарить Советский Союз, все советские республики за ту щедрую всестороннюю помощь, которую они оказывают нашей стране!

Трудно переоценить великую созидательную силу, которая крепко вошла в нашу жизнь,— это чувство уверенности в завтрашнем дне. Все мы живем по замечательному закону социалистического товарищества: один за всех и все за одного!

Уже одно это привлекает порабощенные народы земли на нашу сторону. А как блистательно социализм решает национальный вопрос! Вот мы, кубинцы, чувствуем себя в Узбекистане, как у себя дома!..

ЧИЛИ

Рикардо НУНЬЕС —

генеральный секретарь Государственного технического университета, член социалистической партии Чили

«ТВОРЧЕСКАЯ СИЛА МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА»

— Хотя мы и живем в разных концах планеты, но понимаем друг друга с полуслова. Это потому, что марксизм-ленинизм открыл нам главные закономерности исторического развития. Несмотря на разнообразие частных особенностей, эти закономерности проявляются, например, в Чили так же, как в Узбекистане. Я это особенно остро почувствовал, слушая доклад Ш. Р. Рашидова.

Пятидесятилетний опыт Советского Союза — ценнейший вклад в научный социализм. Он освещает зависимым и отсталым странам путь к свободе и экономическому процветанию, исходя из реальных условий современной жизни народа, а также учитывая его историю, национальные и другие особенности.

Ныне в центре внимания миллионов людей трех континентов — ленинская теория некапиталистического пути развития, триумфально подтвержденная практикой строительства социализма в республиках Советского Востока.

Мы, представители Латинской Америки, счастливы, что участвовали в Ташкентской конференции, ярко продемонстрировавшей всепобеждающую творческую силу марксизма-ленинизма.

АРАБСКАЯ РЕСПУБЛИКА ЕГИПЕТ

Юсеф Эс-СИБАИ —

генеральный секретарь Организации солидарности народов Азии и Африки

«ЕДИНСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО — ЗАЛОГ ПРОГРЕССА»

— Мы убеждены в том, что советский опыт является авангардным по отношению ко всем народам мира. Он дает пример того, как десятки народов, объединенных в рамках одного государства и находящихся на разных ступенях экономического и общественного развития, могут преодолеть вековую отсталость и за короткий исторический период достичь небывалых высот во всех сферах человеческой деятельности. Достаточно сказать, что нации и народности бывшей царской России, у которых не было своей письменности, имеют теперь развитую экономику и культуру, живут в условиях социальной справедливости и процветания.

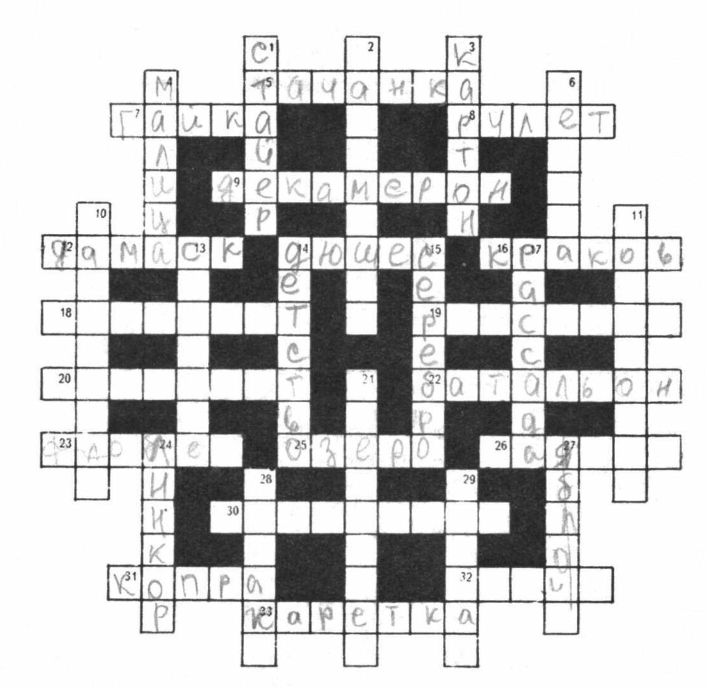
Опыт СССР имеет для нас неоценимое значение, все больше стран становится на путь некапиталистического развития. Заключение договоров о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом, с одной стороны, и Арабской Республикой Египет, Ираком и Индией — с другой, является важным фактором в нашей общей борьбе против империализма.

Советский Союз на всем протяжении своей полувековой истории оказывал и оказывает всестороннюю поддержку освободительной борьбе народов развивающихся стран. Мы считаем замечательный юбилей — 50-летие образования СССР — своим самым светлым праздником.

В крепнущем единстве и сотрудничестве сил социализма и национально-освободительного движения — залог социального, экономического и культурного прогресса стран Азии, Африки и Латинской Америки.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Картина М. Б. Грекова. 7. Резьбовая деталь. 8. Кондитерское изделие. 9. Сборник новелл Д. Боккаччо. 12. Столица Сирии. 14. Сорт груш. 16. Город в Польше. 18. Древний каменный век. 19. Инструментальное произведение на темы народных песен, танцев. 20. Искусственная смола. 22. Подразделение полка. 23. Французский писатель. 25. Естественный водоем. 26. Начало шахматной партии. 30. Великий русский ученый и поэт. 31. Ядро кокосового ореха. 32. Народный духовой инструмент. 33. Рамка с валиком в пишущей машинке.

По вертикали: 1. Бегун на длинные дистанции. 2. Один из Курильских островов. 3. Толстая бумага. 4. Меховая шапка. 6. Рыболовный снаряд. 10. Персонаж «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко. 11. Многоголосие в музыке. 13. Населенный пункт в Древней Руси. 14. Повесть М. Горького. 15. Металл. 17. Растение, выращиваемое для пересадки. 21. Экваториальное созвездие. 24. Военный корабль. 27. Матросский танец. 28. Государство на побережье Средиземного моря. 29. Древнегреческий философ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 51

По горизонтали: 5. Мисхор. 6. Лозняк. 9. Квазимодо. 10. Цедра. 12. Пшено. 14. Такса. 16. Станок. 18. «Мальва». 19. Кабачок. 20. Тамара. 22. Триест. 24. Гарус. 26. Класс. 28. Лазер. 29. Калькутта. 30. Кобура. 31. Адажио.

По вертикали: 1. Бровка. 2. Изотоп. 3. Диалект. 4. Ляпунов. 7. «Март». 8. Коса. 11. Ренессанс. 13. Шелковица. 15. Кунашир. 17. Кукша. 18. Макет. 21. Атласов. 23. Стейниц. 24. Галс. 25. Сеть. 27. Скерцо. 28. Ландау.

Обложка работы художника В. Викторова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 4/XII-72 г. А 00766. Подп. к печ. 19/XII-72 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2748. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3863

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Рисунок народного художника СССР, лауреата Государственной премии СССР Бориса ЕФИМОВА.

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА
ДЕВА
ЛЕВ
РЕВАНШИЗМ
КОЗЕРОГ
С ПОЗИЦИИ СИЛЫ
РАК
АНТИСОВЕТСКАЯ КЛЕВЕТА
ТЕЛЕЦ
РАСИЗМ
БЛИЗНЕЦЫ
ВОДОЛЕЙ
АНТИКОММУНИЗМ
СКОРПИОН

Бор. Ефимов-72.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663